

ПУТЕВОДИТЕЛЬ
БОТАНИКА
и о
ЯДАМИ
И ВЕЧЕРИНКАМИ

КЕЙТ ХАВАРИ

Ядовитый детектив

Кейт Хавари

**Путеводитель ботаника
по ядам и вечеринкам**

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.111-31
ББК 84(7Coe)-44

Хавари К.

Путеводитель ботаника по ядам и вечеринкам / К. Хавари —
«Издательство АСТ», 2022 — (Ядовитый детектив)

ISBN 978-5-17-152074-8

Лондон, 1923 год. В академическом мире свои тайны и правила. На званом ужине одна из профессорских жен отравлена неизвестным ядом, это дерзкое преступление будоражит весь университет. Главным подозреваемым становится доктор Максвелл. Но Шафран Эверли, его ученица, не верит в вину наставника. Она решает провести собственное расследование и найти настоящего преступника. Ни профессора-мужчины, ни полицейские всерьез ее не воспринимают, ведь она женщина. Шафран всюду ищет улики и, используя свои глубокие познания в ботанике, экспериментирует с ядами. В одиночку ей никак не справиться, и на помощь приходит коллега-исследователь Александр – загадочный, молодой человек, которым сложно не увлечься. Но чем больше чужих секретов Шафран узнает, тем более опасным становится ее расследование. Кто же все-таки таинственный отравитель и зачем ему это было нужно?

УДК 821.111-31

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-152074-8

© Хавари К., 2022

© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	19
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	34
Глава 7	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Кейт Хавари

Путеводитель ботаника по ядам и вечеринкам

© 2022 by Kate Khavari

© Капустюк Ю., перевод, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Перед вами художественное произведение. Все описанные в романе имена, персонажи, организации, места и события являются либо плодом воображения автора, либо необходимой частью его вымысла. Любое сходство с реальными событиями, местами или людьми, живыми или мертвыми, является случайным.

Моему любимому биологу

Глава 1

Падавший из окон громадного особняка свет лился на ступени и посыпанную гравием дорожку. Шафран вышла из такси, и облаченный в ливрею лакей проводил ее вверх по лестнице, где служанка приняла ее пальто. На пороге роскошной гостиной, в которой собралось человек двадцать, девушка замерла. Несмотря на пылавший в камине огонь, в просторной комнате было не слишком жарко. Высокие стены обиты зеленым шелком, мебель старинная, фамильная, начищенная до блеска, – все это напоминало Шафран дом бабушки и дедушки, набитый семейными реликвиями, о которых вспоминали разве что служанки, когда приходило время вытирать пыль.

Оглядывая гостей, Шафран почувствовала укол беспокойства – вдруг здесь окажется именно тот человек, встречи с которым ей хотелось бы избежать. Впрочем, бояться нечего – если доктор Беркинг здесь, она услышит его раскатистый голос. Сердясь на себя за малодушие, Шафран расправила плечи: если ей и грозит опасность, то точно не на званом ужине.

Переступив порог, Шафран назвала свое имя дворецкому, который величаво объявил о ее прибытии. Некоторые гости с любопытством посмотрели на новенькую, а пожилой мужчина подошел ее приветствовать. Это был сэр Эдвард Лейстер, хозяин особняка, в котором они все собрались.

Шафран улыбнулась:

– Рада с вами познакомиться, сэр. Прежде всего мы должны благодарить вас за то, что амазонская экспедиция стала возможной.

Сэр Эдвард отмахнулся и, глядя куда-то мимо гостыи своими бесцветными глазами, ответил:

– Безусловно, я счастлив поделиться своими средствами с Университетским колледжем. – Он сказал это чуть громче, чем следовало, чем сразу же посеял сомнения в искренности своих слов.

На правах хозяина дома он повел гостью к сотрудникам университета, с которыми она уже была знакома. Она заметила, что они смотрят на нее с некоторым удивлением – возможно, те, кто ее знал, не ожидали увидеть ее в одежде, не испачканной грязью или пылью. Шафран машинально провела рукой по платью, расшитому бисером. Хотя его васильковый оттенок не мог сравниться с цветом ее синих глаз, блестящий бисер привлекал внимание и, конечно, был ярче всего, что она носила прежде. В ее скромном гардеробе не было предусмотрено нарядов для торжественных случаев, поэтому соседка, с которой Шафран снимала жилье в складчину, одолжила платье у знакомой на работе. По тогдашней моде оно отличалось прямым силуэтом и спускалось ниже колен, оставляя руки обнаженными и подчеркивая стройность девушки. И сама Шафран, и Элизабет – та самая соседка по квартире и лучшая подруга – приложили немало усилий для того, чтобы завить и уложить темные волосы девушки в стильную прическу, а еще раздобыли шелковые вечерние перчатки, чтобы завершить образ.

Шафран заметила, что на нее серьезно смотрит рослый брюнет. Он подошел и представился:

– Я Александр Эштон. Мы работаем на одном этаже в северном крыле. А вы, как я полагаю, ассистент доктора Максвелла.

Можно было обойтись и без формальностей, потому что на биологическом факультете Университетского колледжа Лондона все друг друга знали. Кроме того, сейчас на кафедре работала всего одна женщина, и это была Шафран, о которой последнее время ходили самые неприятные слухи.

Что касается мистера Эштона, его личность вовсе не была для Шафран загадкой. Она смутно помнила его еще с тех пор, как боролась за свое право находиться в университете, а

позже – за право работать, и нельзя сказать, чтобы он ей особенно импонировал. Люди отзывались об Александре Эштоне уважительно: он окончил аспирантуру в два раза быстрее других и путешествовал по миру, исследуя экзотические края. О его нынешних проектах она знала мало, либо потому, что сплетники не интересовались его работой, либо потому, что мистер Эштон не болтал о своих публикациях на каждом углу, как другие.

И вот он стоял перед ней, высокий, в элегантном смокинге и так пристально смотрел на нее, что ей стало не по себе. Темные брови, глаза еще темнее, нос с небольшой горбинкой, очертания рта выдают упрямство, загорелая кожа контрастирует с белоснежной рубашкой, словно он только что вернулся из длительного отпуска. Волосы от природы вьются, и даже бриолин не может с ними справиться.

– Да, я научный ассистент доктора Максвелла, – ответила Шафран. Мистер Эштон взял ее протянутую ладонь, и она сквозь перчатки ощутила тепло его пальцев. – Шафран Эверли.

Он в недоумении уставился на нее.

– Вас зовут Шафран?

Девушка вздохнула. Распуская о ней слухи, сплетники с кафедры позабыли упомянуть ее имя.

– Ну, это как бы логично, не находите? Я – ботаник, и имя у меня как у растения. Забавно, правда?

Эштон криво улыбнулся.

– Не вижу ничего забавного, – буркнул он.

Не зная, как трактовать его ответ, Шафран провела рукой по платью.

– Ну все-таки Шафран лучше, чем Лютик или Азалия.

– Мне тоже следовало бы изменить имя, чтобы оно отражало сферу моих интересов. Как вам *Бруцелла Мелитензис*?¹ – Он сунул руки в карманы и задумчиво посмотрел на собеседницу. – *Бациллус Сереус*² звучит как-то не очень. Лучше всего, безусловно, *Лейшмания Доновани*³. – Он казался совершенно серьезным, но в его голосе звучали саркастические нотки.

– Лейшмания Доновани – идеальный вариант, – одобрила Шафран и выдавила из себя улыбку. – Для краткости вас бы называли Донованом, и никто бы ничего не заподозрил.

– Знаете, раз уж Лейшмания вызывает анемию, а иногда уродливые образования на теле, я вряд ли выберу себе такое имя.

Шафран не знала, рассмеяться ей или рассердиться, но невозмутимость собеседника заинтриговала ее, и она даже расстроилась, когда в зал вошел ее наставник доктор Максвелл со своим другом, доктором Эстером.

Когда они приблизились, мистер Эштон наклонился к ее уху и прошептал:

– Доктор Эстер⁴, еще один ботаник с подходящим именем.

То же самое она сказала доктору Эстеру, будучи маленькой девочкой, во время одного из редких визитов с отцом в университет, и ей казалось, что он до сих пор не забыл ее неосторожное замечание. При этом воспоминании Шафран с трудом подавила смех.

Доктор Максвелл и доктор Эстер были ровесниками, то есть одинаково пожилыми, но внешне представляли полную противоположность друг друга. Взлохмаченные волосы и кустистые брови Максвелла придавали ему сходство с добрым дедушкой, в то время как лицо Эстера казалось суровым и напоминало Шафран уже ее собственного дедушку.

– Эверли, – тепло сказал Максвелл, пожав ее руку.

¹ *Brucellamelitnesis* (лат.) – вид аэробных грамотрицательных бактерий. Наиболее частый возбудитель бруцеллёза (здесь и далее прим. пер.).

² *Bacillus cereus* (лат.) – вид почвенных бактерий. Вызывает токсикоинфекции у человека.

³ *Leishmaniadonovani* (лат.) – возбудитель висцерального лейшманиоза.

⁴ *Aster* (англ.) – астра.

Шафран улыбнулась профессору, но от нее не укрылось, как приподнялись брови мистера Эштона, когда Максвелл назвал ее по фамилии. Ей нравилось, когда он ее так называл; это заставляло ее чувствовать себя одним из сотрудников кафедры, а не какой-то диковинкой.

– Как прошла ваша поездка, профессор?

– Хорошо, как обычно, хотя я каждый раз забываю, до чего же утомительно развлекать детей, – дребезжащим голосом ответил собеседник. – Мои внуки почему-то уверены, что у меня столько же энергии, сколько и у них.

Максвелл заговорил с мистером Эштоном, а Шафран повернулась к другому профессору:

– Рада вас видеть, доктор Эстер.

Его серые глаза колюче сверкнули.

– Добрый вечер.

Максвелл усмехнулся.

– Эстер, ты ведь помнишь Александра Эштона. – Упомянутые им джентльмены церемонно пожали друг другу руки. – Эверли, в течение следующих нескольких недель ты будешь работать с мистером Эштоном и следить за тем, чтобы он получал все материалы, которые ему нужны. Он отвечает за проекты по ботанике с тех пор, как Честерфилд вышел на пенсию, чтобы заботиться о больном брате.

Внезапный уход Честерфилда доставил хлопот их небольшой команде, особенно если учесть, что экспедиция была собрана в такой короткий срок. Шафран кивнула и спросила:

– Мистер Эштон, а вы входите в экспедиционную группу?

– Не в этот раз, – последовал ответ. – Ботанические образцы будут собирать Джулиан Эриксон и Мартин Гардинер.

Профессора занялись обсуждением коллекции папоротников доктора Максвелла, а движимая любопытством Шафран продолжила задавать вопросы:

– Полагаю, вы участвовали в других экспедициях. Как же это, наверное, увлекательно – путешествовать повсюду.

– Порой – да.

– Что именно вы изучаете?

– Бактерии.

Не зная, радоваться ей или раздражаться из-за его внезапной сдержанности, Шафран решила уточнить:

– Я уже догадалась. Но какие именно бактерии?

Ей показалось, что она заметила на его лице удивление.

– Я разрабатывал систему быстрой идентификации новых бактерий. Прежде мне приходилось много возиться с почвами, и в итоге мне поручили заниматься флорой, когда распределяли специалистов при подготовке к экспедиции.

Шафран обрадовалась, решив, что разговорила собеседника и заставила его отказаться от немногословной манеры общения, и стала ждать, что еще он скажет. Она приехала сюда пообщаться с коллегами и университетским начальством, но ей хотелось узнать больше о его опыте работы на кафедре.

– Как вы оказались в биологии? Вернее, в микробиологии?

Однако тут гостей позвали к столу, и ее вопрос остался без ответа. Максвелл предложил ей руку и повел во внушительный обеденный зал, где в свете свечей мерцал белый стол, уставленный серебром и фарфором.

Половина мест возле стола была занята университетскими профессорами и научными сотрудниками, некоторые из которых пришли со своими женами. Другую половину занимали представители администрации университета и спонсоры – такие, как сэр Эдвард. Доктор Лоуренс Генри, которому предстояло возглавить экспедицию, сидел во главе стола. Рыжеволосая женщина рядом с ним игриво шлепнула его по руке. Шафран показалось, что незнакомка

выставила напоказ слишком много плоти и что черного шелка с золотой вышивкой явно не хватает, чтобы прикрыть ее плечи и грудь. На ее обильно накрашенном лице светилось льстивое обожание, которое Шафран отлично понимала. Доктор Генри – яркий, блестящий ученый, профессор истории. На его загорелом суровом лице блестели голубые глаза, черный смокинг обтягивал широкие плечи. Если верить университетским слухам, он вызывал восхищение у всех женщин, независимо от их возраста.

Однако одна элегантная дама за столом все же казалась исключением. За ужином она краем глаза наблюдала за доктором Генри и его спутницей. Ее черные волосы обрамляли уже немолодое лицо с пронизательными темными глазами. Ее собеседник, профессиональный эколог, болтал без умолку, не замечая, что его слушательница чем-то озабочена. Заметив испепеляющие взгляды, которые она бросала на женщину в черном и на доктора Генри, Шафран предположила, что пожилая дама – миссис Генри.

Мистер Эштон сидел в дальнем конце стола и разговаривал с серьезным молодым человеком, должно быть, сотрудником университета. Светловолосый и приятный на вид, тот выглядел почти как все в университетском городке.

Мистер Эштон заметил, что Шафран смотрит на него, и улыбнулся ей. Девушка ограничилась сухой улыбкой и отвернулась. По ее опыту, коллег было лучше не поощрять.

Доктор Беркинг, которого она так опасалась, наконец появился, но устроился за дальним концом стола, вне видимости Шафран. Рядом с ней сидел доктор Максвелл, а за ним – леди Агата, жена сэра Эдварда. Они говорили о недавних открытиях, о планах публикаций, обменивались университетскими новостями, и все это заставило ее почти забыть о присутствии Беркинга. Шафран в основном слушала, жадно ловя каждое слово об экспедиции и о том, чем будут заниматься ученые в дальних краях. О поездке было объявлено всего месяц назад, и у ведомств почти не оставалось времени на подготовку.

Гарри Снайдер, ассистент доктора Генри, сидел по другую руку от нее. Карие глазки за очками в проволочной оправе и тонкие губы, подчеркивающие крупные безупречные зубы, делали его похожим на грызуна. Его манера поведения, пугливая и сдержанная, соответствовала его мышинной наружности.

– Мистер Снайдер, вы присоединитесь к доктору Генри в экспедиции? – полюбопытствовала Шафран.

– Да, – ответил Снайдер, не отрывая глаз от тарелки.

– Насколько мне известно, за последние несколько лет доктор Генри посетил и Индию, и Испанию. Вы сопровождали его в тех экспедициях?

Снайдер кивнул – его голова с блестящими набриолиненными черными волосами качнулась над тарелкой. Шафран посмотрела на свою тарелку, в которой лежал изящно нарезанный ростбиф, и машинально подумала, действительно ли процесс еды настолько поглощает или Гарри Снайдер попросту не желает с ней говорить.

– А когда доктор Генри за границей, чем вы занимаетесь? – спросила она.

Снайдер хмуро посмотрел на нее сквозь очки.

– Я ему ассистирую.

Шафран со вздохом взялась за стакан с водой. Увы, по другую руку от нее доктор Максвелл был поглощен беседой с другим профессором, и поневоле она вновь заговорила со Снайдером. Ее не оставляло ощущение, что ей приходится тащить из него ответы, как дантисту – больные зубы из челюсти пациента.

– Как долго члены экспедиции будут отсутствовать? Я слышала, что в полтора месяца они точно не уложатся, скорее месяца в четыре.

Снайдер покосился на доктора Генри, который оживленно общался с накрашенной леди в черном.

– Мы планируем провести в Бразилии пять месяцев. Дорога туда и обратно займет по две недели в один конец.

Уклончивость Снайдера не удовлетворила Шафран, и, вздернув брови и подлаживаясь под его интонации, она спросила:

– Так долго? Что же за работа вам там предстоит?

Он закусил губу и еще раз взглянул на доктора Генри.

– Пять кафедр отправляют своих представителей, а еще будут те, кто планирует собирать образцы самостоятельно.

Шафран поняла, что ей нравится атаковать Снайдера вопросами. Казалось, он считал все эти сведения огромным секретом, а Шафран любила раскрывать тайны.

– А где именно вы планируете побывать в Бразилии?

Этот вопрос, казалось, добил Снайдера. Он вытер рот салфеткой, уставился на свой бокал и пробормотал:

– Я вряд ли могу... э, ну, мне не следует говорить...

Догадавшись, что Шафран так и будет выжидающе смотреть на него широко распахнутыми глазами, он откашлялся и нехотя сознался:

– Мы сосредоточимся на устье реки и на острове Марахо. То есть будем держаться ближе к цивилизации.

– Почему, мистер Снайдер? Вообще-то в этой части света было проведено уже много исследований. Александр фон Гумбольдт прислал из своих путешествий почти пятнадцать тысяч образцов новых видов. И вряд ли он был первым и последним, кто исследовал эти места.

Снайдер был явно задет за живое, и его уклончивость как рукой сняло.

– Не все можно узнать о местности за один раз. Кроме того, если вы имели возможность изучить карту, вы заметили, что Венесуэла находится далеко от Бразилии.

Мысленно призвав себя к сдержанности, Шафран ответила:

– Я имею в виду, что Амазонка, которая течет не только через Бразилию, но и через другие государства, являлась центром исследований на протяжении сотен лет. Доктор Генри знает об исследованиях Перси Фосетта? Его описания затерянного города Z завораживают. Можно подумать, что речь идет о земной Атлантиде.

Снайдер фыркнул.

– Фосетт не настоящий ученый. И все, что он, по его словам, видел, едва ли заслуживает внимания. Собака с двумя носами? Змея длиной с автобус? Все это ерунда. Доктор Генри считает, что существует много информации о *реальной* истории и культуре коренных жителей этого района, и это нам еще предстоит открыть. – Он усмехнулся и добавил: – Те, кто занимается животными и растениями, всегда найдет на что посмотреть.

Снайдер явно не считал ее «тем, кто занимается растениями». Доктор Максвелл повернулся в их сторону и сухо улыбнулся.

– Так оно и есть. Каждый квадратный метр земли там таит в себе тысячи и тысячи организмов. Это самое интересное место на планете. Уверен, доктор Генри найдет там больше, чем рассчитывает.

Шафран заметила, что лицо доктора Максвелла исказилось, когда он произносил последнюю фразу. Его взгляд стал жестким, и доктор поспешно вернулся к ужину.

Снайдер, видимо, решил, что их разговор окончен, и Шафран это устраивало. Истребляя салат, она поглядела на даму, которая, как считала Шафран, была женой доктора Генри, и заметила, что ее взор устремлен на сидящего напротив мужчину, с которым ранее говорил Эштон. Незнакомец со значением улыбнулся миссис Генри. Шафран заметила, что та гораздо старше него – как минимум лет на десять, однако лукавый взгляд, который она послала своему визави, казался почти игривым.

Шафран услышала, что мистер Снайдер говорит, обращаясь к ней, и повернулась к нему.

– Меня всегда безумно удивляет, что кому-то охота участвовать в этих изнурительных поездках, – объявил мистер Снайдер. – Доктору Генри приходится отклонять большинство заявок из-за отсутствия у соискателя опыта в этой сфере. – Он наклонился так близко к Шафран, что она разглядела на стекле его очков отпечаток пальца, неудачно коснувшегося линзы. – Хотя есть и другие соображения. Взять хотя бы доктора Максвелла, который сидит рядом с вами. Доктор Генри сразу отверг его предложение присоединиться к экспедиции. – Снайдер покосился на доктора Максвелла, погруженного в разговор с профессором минералогии.

– Доктор *Максвелл*? – повторила Шафран, стараясь скрыть свое изумление. Доктор Максвелл точно не подавал заявку на участие в экспедиции. Он слишком стар, чтобы плыть по большой реке в жарком климате! Она думала, что он пошутил, когда сказал, что его не отпускает жена.

– О да, – сказал Снайдер, пронзая вилкой салат. – Доктор Генри был удивлен, когда Максвелл заявил, что намерен участвовать в экспедиции, и стал его отговаривать. Однако беднягу огорчило, что они всерьез собираются обойтись без него. – Очевидно, Снайдер понятия не имел, что она работала у профессора, о котором он сплетничал. А еще он, оказывается, был не прочь поговорить об экспедиции, если только речь шла не о ее целях. Прежде чем Шафран успела вставить слово, он добавил: – Боюсь, они вдрызг разругались. Доктор Максвелл сказал доктору Генри, что нам очень повезет, если мы вернемся из экспедиции живыми со всеми нашими людьми, ведь в джунглях таится столько опасностей. Повсюду животные и туземцы! Они только того и ждут, как бы незаметно к тебе подкрасться. – Он поежился и умолк, но тотчас же оживился вновь. – Именно поэтому доктор Генри настоял на том, чтобы возглавить команду. Его опыт и навыки обеспечат нашу безопасность.

К счастью, Снайдер умолк и до конца ужина уже не проронил ни слова. Шафран была так смущена, что начисто потеряла аппетит, и остаток трапезы мучительно размышляла, не пожалеет ли она о том, что пришла сюда, забыв на время привычную университетскую жизнь.

В конце ужина Шафран осторожно встала, так, чтобы ни одно из украшений чужого платья не зацепилось за стул, и последовала за дамами в гостиную. В комнате, оформленной в розовых и красных тонах, горел электрический свет, а в камине полыхал огонь, один вид которого заставлял забыть холод этого весеннего вечера. Шафран села возле очага, не собираясь участвовать в разговорах, которые, скорее всего, заведут другие женщины. Когда у ее бабушки собиралось дамское общество, в котором старая леди верховодила, она не забывала мягко, но недвусмысленно напомнить внучке, что ей лучше всего держать рот на замке. Сейчас Шафран видела вокруг дам примерно того же класса, и у нее не было никакого желания общаться с ними. Она уже целую вечность не следила за лондонскими сплетнями, решив упорно работать над достижением своей цели – стать ботаником.

К ее удивлению, хозяйка, леди Агата, принесла ей чашку кофе и села рядом с ней, шелестя подолом платья персикового цвета.

– Дорогая, мне сказали, что вы дочь Томаса Эверли. Как же я рада с вами познакомиться! – Она выглядела точь-в-точь как подруги ее бабушки: женщины со вкусом и достатком, которые долго, насколько могли, сохраняли свою красоту, но в конце концов в своих шелках и жемчугах все равно выглядели, как увядшие цветы. – Знаешь, твой отец, профессор, часто составлял нам компанию. Какой он был обаятельный мужчина!

– Вы очень любезны, – ответила Шафран, выдавив из себя улыбку. Она часто слышала такие комментарии, но обычно они исходили от коллег-ученых, знакомых с его работами, а лично она сильно сомневалась, что леди Агата разбиралась в патологии растений.

– А какой джентльмен! Очень жаль, что мы потеряли его раньше времени. Доктор Эверли задавал высоченную планку для всех своих коллег, кто не был воспитан так же. – Леди Агата

многозначительно посмотрела на Шафран. – Даже не представляю, до чего может прийти, когда двери престижного учебного заведения, такого как Университетский колледж, становятся открыты для всех.

То, что о смерти ее отца упомянули в таком тоне, и то, что о нем вспомнили с целью унижить других, заставило Шафран вскипеть от негодования.

– Вы имеете в виду тех, кому недостаток воспитания не позволяет по достоинству оценить научные круги? – сладко уточнила Шафран.

Леди Агата на мгновение нахмурилась, но тут же улыбнулась.

– Разумеется, моя дорогая.

Хозяйка произнесла еще несколько вежливых фраз, после чего присоединилась к группе дам в другом конце зала. Шафран с удовлетворением посмотрела ей вслед.

Хотя по рождению Томас Эверли принадлежал к высшему сословию, он отказался от титула виконта и занялся ботаникой. Его родители снисходительно относились к его учебе, поскольку никогда не верили, что наука станет его профессией. Отец Шафран был равнодушен к аристократическим привилегиям, и дочь унаследовала его взгляды. Она росла с мыслью о том, что в будущем должна преуспеть в двух вещах: удачно выйти замуж, чего хотелось ее бабушке и дедушке, и чего-то достичь самой, на что надеялись ее родители. До сих пор ее путь очень напоминал путь отца. Ради достижения своей цели она от многого отказалась, в том числе от финансовой поддержки бабушки и дедушки, но теперь вспомнила, почему так жаждала отдалиться от высшего общества.

Женщина, которая за ужином уделяла повышенное внимание доктору Генри, опустилась на диван рядом с Шафран. Шелковое платье с драпировкой на бедрах, богато украшенное золотым бисером, держалось на плечах благодаря тонким бретелькам. Его черный цвет эффектно оттенял золотую повязку на голове вокруг аккуратно уложенных рыжевато-каштановых локонов. Наряд кареглазой незнакомки был гораздо красивее, чем у любой другой женщины на вечере, и, хотя дама и злоупотребляла подводкой для глаз и темной помадой, она при ближайшем рассмотрении оказалась очень юной. Ее пальцы с длинными красными ногтями сжимали чашку с черным кофе, а на лице застыло тоскливое выражение.

– Какая же здесь скукота.

Шафран ждала, что женщина представится или хотя бы намекнет на то, почему выбрала ее в качестве собеседницы, но продолжения не последовало. Шафран отпила глоток кофе и попыталась дать беспристрастный ответ:

– Да, полагаю, вы правы. Я никогда не понимала, зачем мужчин и женщин отправляют после ужина в разные комнаты. Вряд ли мы по-разному перевариваем пищу.

Женщина взглянула на нее с любопытством.

– По-моему, проблема не в этом... – Она поставила свой нетронутый кофе на столик рядом с диваном и достала из золотистой сумочки сигарету и зажигалку. Когда она закурила, кончик сигареты окрасился в цвет темной помады. – Папа так расстроился, что не смог прийти, ведь цель этого ужина – отметить его вклад. – Говоря, незнакомка растягивала слова. – Поэтому он послал меня уделить внимание его друзьям.

Дальнейших объяснений не последовало. Шафран понятия не имела, кем была ее собеседница. Она явно была богата, если ее отец потратил кругленькую сумму, чтобы устроить достойный ужин в свою честь. Если бы Шафран не внесли в список приглашенных в последний момент, она бы, вероятно, знала, кто эта женщина и ее отец.

– Что сказала леди Агата? Она такая сплетница, вечно сует нос не в свои дела. – Перебирая нитку граненых бусин, женщина невинно спросила: – Что-нибудь хорошее?

– Боюсь, что нет, – ответила Шафран, мечтая, чтобы этот нелепый разговор поскорее кончился.

– Ужас. Я слышала, что даже в таких унылых болотах, как университет, порой происходят интересные вещи. – Незнакомка выпустила клуб дыма и многозначительно посмотрела на Шафран. – Кто чем занимается, с кем и все такое.

Шафран сдержала вздох. Именно поэтому она никогда не скучала по обществу.

– Полагаю, большинство из нас все-таки интересуется то, что мы исследуем.

– О, вы работаете в университете?

Шафран кивнула и решила, что пришла пора выяснить, кто эта неприятная особа.

– Я Шафран Эверли. Научный сотрудник.

Лицо женщины расплылось в улыбке.

– Мисс Эверли? Ну, тогда ясно.

Тон ее Шафран не понравился, и она распрямилась, как струна.

– Боюсь, я не знаю вашего имени.

Женщина стряхнула пепел в хрустальное блюдо на столике.

– Эрис Эрмин. Мой отец – Седрик Эрмин.

Шафран смутно припоминала, что слышала эту фамилию когда-то прежде, но не могла вспомнить, где и при каких обстоятельствах. Она вежливо улыбнулась Эрис Эрмин и сделала еще глоток кофе. К ее облегчению, в комнату вернулись джентльмены. Они несли стаканы виски или портвейна, некоторые попыхивали сигарами.

Мисс Эрмин вздохнула.

– Я никогда не увлекалась книгами. Но в работе в академических кругах есть свои плюсы. – Говоря, она не отрывала взгляда от доктора Генри, который вошел в комнату с напитком в руке.

– Э-э, да, – согласилась Шафран. – Вы знакомы с доктором Генри? Насколько мне известно, он возглавляет экспедицию.

– Конечно! Он любимец моего отца. – Эрис говорила вполголоса и продолжала смотреть на того, о ком шла речь. – Возможно, мне придется изменить свое мнение, если окажется, что то, что я слышала об университете, – правда. Похоже, что некоторые из вас, ученых, склонны проводить много времени, *исследуя* друг друга. – С этими словами она лукаво улыбнулась Шафран и направилась к доктору Генри.

Шафран смотрела ей вслед. Что это значит? Она намекнула на доктора Беркинга? Он сказал ей что-то похожее, когда она говорила с ним в последний раз.

Шафран встала. Явиться на этот ужин было огромной ошибкой. Налаживание связей того не стоило.

Через мгновение перед ней возник мистер Эштон.

– Позвольте принести вам выпить, мисс Эверли?

Она моргнула, удивленная его предложением.

– Нет, спасибо. Извините.

Она собиралась пойти в дамскую комнату, но тут ее слух уловил знакомые неуклюжие шаги. Шафран вся сжалась, ей хотелось убежать, словно бегство позволяло спастись от мужчины, который, как она знала, стоял сзади нее. Звон бокалов и гул голосов гостей не мог заглушить его слов.

– Эштон, я очень рад, что вы оставили свои обольстительные чашки Петри⁵ и присоединились к нам!

Голос доктора Беркинга произвел в душе Шафран примерно такое впечатление, какое производит взорвавшаяся бомба: он просто-напросто убил все очарование этого вечера.

⁵ Прозрачный лабораторный сосуд в форме невысокого плоского цилиндра, закрываемого прозрачной крышкой подобной формы, но несколько большего диаметра. Применяется в микробиологии и химии. Изобретен в 1877 году ассистентом Роберта Коха Юлиусом Рихардом Петри.

Мистер Эштон повернулся к профессору, который был ниже его на целую голову, и Шафран, стиснув зубы, сделала то же самое. Беркинг был кругленьким, как бочка, с массивной головой с седеющими рыжими волосами, голубыми глазками и губами, почти всегда искривленными в ухмылке. Теперь эта ухмылка была склизкой и липкой, как листья жирянки⁶ доктора Максвелла, и такой же хищной. Шафран отвернулась в надежде, что доктор Беркинг не обратит на нее внимания.

– Бьюсь об заклад, вы сожалеете о своем решении не подавать заявку на участие в нашем приключении, не так ли, Эштон? – Беркинг хихикнул. Его взгляд упал на Шафран. – Боже, до чего вы восхитительны сегодня вечером, мисс Эверли!

Шафран вспыхнула и уставилась в пол. Ему явно хотелось посмотреть, как она будет нервничать под его похотливым взглядом. Если она его проигнорирует...

Беркинг слегка понизил свой гулкий голос.

– Однако вы всегда выглядите так аппетитно, что вас хочется скушать. А уж как приятно вы пахнете!

Взгляд Шафран остановился на насмешливом лице Беркинга, и она ощутила прилив гнева. Он смотрел не на нее, а на мистера Эштона, ожидая, что тот посмеется вместе с ним.

Прежде чем она успела найти подходящие слова, чтобы поставить собеседника на место, мистер Эштон резко произнес:

– Довольно, доктор Беркинг.

Ее щеки сделались пунцовыми от унижения: мистеру Эштону пришлось не только выслушать комментарии Беркинга, но и защитить ее от них. Если бы пол разверзся и поглотил ее, она была бы ему вечно благодарна. Но Шафран не улетучилась сквозь ковер, а замерла на месте, когда Беркинг опустил на ее плечо свою широкую ладонь и усмехнулся.

– Уж мисс Эверли-то знает, что я непревзойденный шутник.

Он небрежно кивнул Александру и исчез в толпе. Шафран пробормотала «Извините» и ускользнула прочь.

⁶ Жирянка – насекомоядное растение.

Глава 2

Пора уходить, решила Шафран, глядя на свое отражение в зеркале дамской комнаты. Она могла сколько угодно внушать себе, что ждет, когда плечо, покрасневшее после того, как она яростно стирала полотенцем невидимый след от руки Беркинга, приобретет нормальный оттенок. Но настоящая причина была гораздо серьезнее. Прошло уже много лет с тех пор, как она в последний раз пряталась от унижения. Шафран верила, что переросла эту детскую привычку, но вот она снова с ней. И все из-за гнусного доктора Беркинга.

Уже несколько недель она делала все, чтобы не столкнуться с ним ненароком, надеясь, что за это время не только он забудет их встречу, но и что ей самой удастся все забыть. Однако стоило ему коснуться ее, и она моментально вспомнила все, что тогда произошло. Шафран содрогнулась от отвращения.

Как же глупо вот так из-за этого переживать! Судя по тому, что рассказала ей Элизабет, в поступке Беркинга не было ничего необычного и даже ничего плохого. Она пошла в кабинет доктора, надеясь обсудить с ним исследование, которое собиралась предпринять... Поддержка Беркинга была необходима, если она хотела выделиться из числа сокурсников и иметь шансы быть принятой в аспирантуру. Шафран не питала иллюзий насчет доктора Беркинга, который с самого начала вел себя дерзко и оскорбительно. Она приготовилась к неприятной аудиенции, но надеялась, что он так или иначе выслушает ее и, возможно, даже согласится с ее доводами. Она ошиблась во всем. Результатами этой встречи стали приступы панического ужаса, который она испытывала всякий раз, когда слышала лающий голос Беркинга и его зловещий раскатистый хохот. Но он собирается в Бразилию, на целых шесть месяцев. Значит, оставалось потерпеть всего две недели.

Шафран медленно вышла из туалета. Возвращаться в шумную гостиную ей не хотелось. Она брела по коридору, обшитому панелями из темного полированного дерева и украшенному картинами, стоимость каждой из которых превышала ее годовой доход. Завернув за угол, она ахнула и рассмеялась, когда поняла, что человек, с которым она едва не столкнулась, был мистером Эштон. Он стоял возле горшка с высокой растрепанной пальмой и, судя по всему, собирался вылить в землю содержимое своего стакана.

– Нет-нет, эта пальма и без того повидала много вечеринок с плохим хересом! – с улыбкой заметила Шафран. Она забрала стакан у Эштона и поставила его на буфет, стоявший за спасенной пальмой. – Вот так-то лучше! Ни одно растение не пострадало.

Мистер Эштон, не менее ее пораженный их внезапной встречей, улыбнулся. Однако прежде чем он успел что-либо сказать, они услышали шум открывающейся двери и приближающийся пронзительный женский голос. Шафран совсем не обрадовалась перспективе быть застигнутой в темном коридоре наедине с мужчиной, что непременно вызовет волну новых слухов. Поэтому она забилась подальше в угол, а мистер Эштон последовал за ней, и оба они прижались к обшитой панелями стене. Шафран сердито посмотрела на него, давая понять, что готова дать отпор, если он вздумает заигрывать с ней. Но он всегда вел себя галантно, а сейчас выглядел таким же смущенным, как и она.

По шороху платья Шафран догадалась, что женщина остановилась примерно там же, где стояли она и мистер Эштон.

– Что с ним? – спросил чей-то равнодушный голос.

Женщина прошептала в ответ:

– Как ты это терпишь! Он вышел на балкон с дочерью Седрика. Я видела их из окна.

Мистер Эштон вопросительно взглянул на нее сверху вниз, как будто спрашивая: «Нам выходить или нет?»

– Правда? Очаровательный выбор, – протянула другая женщина.

Шафран покачала головой. Если они сейчас выйдут, это неминуемо осложнит дело, хотя ей безумно хотелось дослушать этот разговор. Речь явно шла о докторе Генри и мисс Эрмин. Бесстрастный ледяной голос, скорее всего, принадлежал жене доктора Генри. Шафран глубже забилась угол и спряталась за пальмой в горшке. Мистер Эштон последовал ее примеру, и шелк ее перчатки коснулся его руки, когда он подошел ближе.

– Почему бы тебе не поговорить с ним, Синтия, дорогая? – В пронзительном голосе сквозили сочувственные нотки.

– А смысл? Все знают, что он за человек, и скоро он все равно уедет.

– Да, дорогая, но они знают, что ты *позволяешь* ему так себя вести. Конечно, тебе больно, даже если...

– Больно? Это все осталось в прошлом, до того, как мимо меня прошла первая дюжина его баб. Вздор все это.

Затем до Шафран донеслись приглушенные шаги, и она разглядела чью-то темноволосую голову. К счастью, та была повернута не в их сторону и не могла их видеть. Мистер Эштон изо всех сил старался быть как можно незаметнее и в итоге чуть ли не прижался к Шафран. Она бросила на него полный недоумения взгляд, и он поморщился.

– Может, они просто обсуждают финансирование. Мой муж сказал, что мистер Эрмин...

– Да, дорогой Лоуренс позаботился о том, чтобы с деньгами не было проблем. – Голос был холоден как лед.

Теперь пронзительный голос звучал откуда-то из-за угла:

– Ты говорила с адвокатом? Пару месяцев назад ты упоминала...

Глаза Шафран расширились от удивления, но потом она спохватилась, что это все-таки чужой разговор. Она надеялась, что мистер Эштон не заметил ее интереса – ведь это не лучший способ произвести хорошее впечатление. Но они стояли здесь бок о бок и оба прятались. Значит, он был ничем не лучше ее.

До Шафран донесся негромкий, холодный смешок.

– Я еще не решила, стоит ли мне этим заняться. Он и сам скоро уйдет с дороги. А одиночество меня не томит.

Теперь Шафран могла хорошо видеть обеих дам, которые пересекали широкий коридор. Впереди шла миссис Генри, а за ней торопливой походкой шагала леди Агата. Платье темноволосой женщины шелестело в такт ее движениям. Несмотря на язвительные слова, она выглядела совершенно невозмутимой. Женщины исчезли в конце коридора, даже не оглянувшись.

Шафран выдохнула с облегчением. Мистер Эштон прочистил горло и начал:

– Прошу прощения. Это было...

Из гостиной до них донеслись чьи-то радостные крики, и они чуть не подскочили на месте от неожиданности. Шафран выдавила из себя улыбку.

– Нам лучше вернуться.

Он кивнул, и они зашагали по коридору обратно на вечеринку. Свет в гостиной больно резанул глаза, и она прищурилась, а затем кто-то протянул ей бокал с шампанским.

Миссис Генри подошла к мужу, стоявшему рядом с сэром Эдвардом и леди Агатой. Виду него был довольный, как того и требовала обстановка. Доктор Генри смотрел исключительно на шампанское, а позади него стоял человек, с которым мистер Эштон разговаривал за обедом и который с иронией наблюдал за происходящим.

Сэр Эдвард поднял бокал и произнес:

– Желаю удачи всей нашей чудесной команде искателей приключений. И славы! Ура!

Доктор Генри поднял бокал, приветствуя сэра Эдварда.

– Ура! Ура! – подхватила толпа. Все подняли бокалы, стали чокаются и пить шампанское.

Шафран отпила немного вина и посмотрела на стоявшего за спиной доктора Генри мужчину, который беседовал с миссис Генри.

– Кто это разговаривает с миссис Генри? Вы с ним общались во время ужина.

Мистер Эштон ответил, глядя куда-то мимо нее:

– Это Ричард Блейк. Он занимался финансированием экспедиции и искал спонсоров.

На языке у Шафран вертелся вопрос, не собирается ли он опять вылить содержимое своего бокала на какое-нибудь ни в чем не повинное растение, которой ей придется спасать, – но прежде, чем она решилась задать этот вопрос вслух, мистер Эштон успел исчезнуть в толпе гостей. Немного обескураженная таким поворотом, она решила поблагодарить хозяев, забрать пальто и уйти.

Шампанское явно ударило гостям в голову – шума стало гораздо больше. Шафран двинулась к сэру Эдварду и его жене, находившимся в дальнем конце зала. Заметив неподалеку доктора Беркинга, она распрямилась. Конечно, в присутствии важных спонсоров он не станет отпускать в ее адрес гнусные комментарии. Хватило и того, что он позволил себе это в присутствии мистера Эштона.

– Поднявшись на борт корабля, мы окажемся в безопасности, – хрипло бормотал доктор Генри. – Нужно только все доделать, мы отплывем, и все будет хорошо, – добавил и сделал глоток шампанского.

– Да, сэр, путешествие на корабле – всегда дело рискованное, – подхватил Гарри Снайдер, старавшийся держаться возле своего начальника. – Слишком много непредвиденных факторов. А вот сама экспедиция вызывает куда меньше тревоги.

Доктор Беркинг ухмыльнулся, глядя на свой бокал. Шафран стояла позади Лейстеров, и он ее не заметил.

Сэр Эдвард покачал головой, когда доктор Генри взял со стола бутылку шампанского и предложил наполнить бокалы.

– Большим кораблям в наши дни доверять нельзя, их может сбить с пути любая мелочь. Мне предлагали инвестировать в судоходную компанию, и через два дня после того, как я отказался, их корабль попал в такую бурю, что едва не перевернулся. Их чуть не выбросило на мель возле...

– Дорогой, – прервала его леди Агата, – никому не хочется слушать про кораблекрушения перед отплытием. – Она сконфуженно рассмеялась.

Миссис Генри посмотрела на мужа долгим загадочным взглядом и покачала в пальцах свой опустевший бокал.

– И правда. Мне жутко становится при мысли о том, что может произойти. Что нам делать, если с тобой что-то случится, Лоуренс?

Шафран оказалась не единственной, кого удивил ее ледяной тон. Затуманенный взгляд Генри переместился на жену. Он фыркнул и потянулся к ее бокалу, на котором остались пятна губной помады. Беркинг подтолкнул Генри своим бокалом, чтобы тот подлил ему шампанского. Генри уставился на него, словно не в силах поверить в его наглость. Если бы дело было не в разгар вечеринки, Шафран, возможно, стала бы свидетельницей того, как эти двое сцепились бы.

Миссис Генри посмотрела на мужа и Беркинга и закатила глаза. Шафран подошла к Лейстерам, чтобы попрощаться, пока Беркинг отвлекся.

Не успела она произнести и слова, как Беркинг повернулся к ней и к Лейстерам со злобой ухмылкой. Бессловесная дуэль с Генри окончилась его победой. Миссис Генри шепнула мистеру Блейку «спасибо». Шафран подумала, заметил ли кто-нибудь еще, как ее пальцы задержались на его пальцах, когда она с улыбкой забирала у него вновь наполненный бокал.

Мистер Блейк сдержанно улыбнулся в ответ.

Доктор Генри свирепо посмотрел на Блейка и выхватил из рук жены бокал с шампанским – так резко, что часть жидкости выплеснулась.

– Я в состоянии налить шампанское своей жене, Блейк. – Он долил шампанское вместо того, которое расплескалось, и не без вызова посмотрел на супругу, когда она взяла у него свой бокал и сделала глоток.

Холодно улыбнувшись мужу, миссис Генри проговорила:

– Спасибо, милый.

После чего повалилась на пол, потеряв сознание.

Все так растерялись, что на несколько мгновений словно застыли. Гости молча смотрели на миссис Генри, как будто ждали, что она встанет. И лишь пронзительный крик леди Агаты заставил окружающих очнуться. Сэр Эдвард и мистер Блейк бросились к лежащей и встали возле нее на колени. Шафран видела, что миссис Генри шевелит губами, но звуки, которые она издавала, через мгновение оборвались. Взгляд ее застыл, и теперь, когда ее темные глаза больше не оживляли ее лицо, она была похожа на мертвую.

Шафран остолбенела, как и стоявший рядом с ней доктор Генри. Сэр Эдвард и мистер Блейк все еще пытались привести миссис Генри в чувство. Мистер Блейк поднял глаза и произнес, не обращаясь ни к кому конкретно:

– Она не дышит.

Сэр Эдвард поднялся на ноги и хриплым голосом потребовал вызвать врача.

К этому моменту все присутствующие уже знали, что произошло нечто чудовищное. Среди гостей было множество докторов, но только один предложил свою помощь. Шафран почувствовала, что ее толкают, и грубый тычок странным образом помог ей прийти в себя.

Врач осмотрел миссис Генри и что-то пробормотал себе под нос. Через мгновение он оглянулся в поисках доктора Генри.

– У вашей жены есть на что-нибудь аллергия?

Доктор Генри тупо смотрел на жену и молчал.

Врач приказал вызвать Скорую, и Шафран стала вертеть головой, гадая, кто побежит звонить. Мистер Снайдер усадил леди Агату в кресло. Доктор Беркинг держался в некотором отдалении, разговаривал с другими гостями и увлеченно следил за происходящим.

Сэр Эдвард остался стоять возле доктора Генри и напряженно смотрел то на врача, то на дверь. Доктор Генри, казавшийся совершенно ошеломленным, нервно чертыхнулся. Он стал блуждать по комнате, ероша волосы, и просил принести ему выпить, хотя рядом стояло несколько бутылок. Наконец мистер Снайдер отвесил ему звонкую пощечину, и это, казалось, привело доктора в чувство.

Шафран и других гостей вскоре попросили перейти в другую гостиную. Руки Шафран не переставали дрожать. Ей хотелось предпринять что-то полезное – хотя что угодно было лучше, чем находиться среди этих людей, которые негромко переговаривались, обсуждая случившееся и высказывая самые дикие версии. В целом гости готовы были сойтись на том, что миссис Генри стала жертвой тяжелой пищевой аллергии, и те, кто слышал слова врача, эту версию подтверждали. Шафран огляделась в поисках доктора Максвелла, но так его и не увидела.

Вскоре сэр Эдвард объявил, что миссис Генри в надежных руках и о ней позаботятся. Присутствующие, казалось, выдохнули с облегчением, но Шафран не могла отделаться от чувства тревоги. Вскоре гости разошлись, явно желая поскорее забыть неприятный конец в целом приятного вечера.

Глава 3

Когда в понедельник утром Шафран прибыла в университет, она в сотый раз задавалась вопросом, что стало с миссис Генри. Все выходные она пересказывала эту историю своей соседке по квартире Элизабет и старалась не думать о том, насколько все ужасно. На вечеринке присутствовало много обитателей северного крыла, и не было никаких сомнений в том, что и информация, и слухи будут распространяться с одинаковой скоростью.

На фоне облачного неба был хорошо виден длинный ряд зданий кампуса. Северное и южное крылья, примыкающие к главному зданию Уилкинса, образовывали внутренний двор, в котором Шафран во время студенчества провела большую часть времени – конечно, если не считать оранжереи. Безыскусные серые фасады зданий когда-то казались ей недружелюбными и словно напоминали обо всем, что ей пришлось пережить как дочери Томаса Эверли. Но теперь кампус Университетского колледжа Лондона выглядел знакомым и уютным. Она являлась частью этого мира, что и доказала, устроившись на кафедру ботаники научным сотрудником. И теперь ей хотелось найти такую работу, которая позволит задержаться в университете подольше.

Шафран вошла в северное крыло через скромную черную дверь со стороны двора и поднялась по лестнице на второй этаж. Проникавшему сквозь окна тусклому солнечному свету не удавалось осветить все уголки чистого и тихого зала. Она остановилась перед дверью в кабинет доктора Максвелла и сквозь стеклянную панель увидела, что внутри темно. Профессор еще не пришел, что в восемь часов утра было вовсе не удивительно. Она в очередной раз подумала, что неплохо бы иметь собственный ключ от его кабинета.

Повернувшись на каблуках, Шафран оглядела пустой коридор. Может, стоило посмотреть, не приехал ли мистер Эштон. Если он на месте, она могла бы приступить к своей работе и помочь ему подготовиться к исследованию Максвелла.

Ее низкие каблочки цокали по сверкающему черно-белому кафелю, и в погруженном в тишину здании этот стук звучал особенно резко. Мистер Эштон упомянул, что работает на одном этаже с ней, но она не знала, в каком кабинете. К счастью, она завернула за угол и увидела его. Пытаясь одной рукой удерживать стопку книг, он другой рукой открывал дверь своего кабинета.

– Позвольте, я помогу! – выпалила Шафран и бросилась ему на выручку.

Мистер Эштон обхватил книги обеими руками, а Шафран открыла перед ним дверь.

– Спасибо. Вот уж не думал, что кто-то еще окажется здесь в такую рань.

Оставив дверь открытой, он подошел к письменному столу, осторожно опустил на него стопку книг и выравнивал их корешки.

– Я всегда прихожу рано, – сказала Шафран, но не стала уточнять, что делает это с целью не задерживаться в университете допоздна. Ей не хотелось оставаться в малолюдном здании, где она может столкнуться с преследовавшим ее завкафедрой.

Кабинет мистера Эштона напоминал кабинет доктора Максвелла: прямоугольный, с выходящим во двор окном. Дубовый письменный стол был такого же оттенка, что и дубовые панели на стенах, и поражал своим блеском и пустотой. На столешнице не было ничего, кроме безупречно чистой промокашки и лампы без единой пылинки на бронзовом абажуре. Книги на полке рядом со столом были выстроены идеально ровно. Стена напротив стола была выкрашена в белый цвет, и возле нее стояла маленькая кушетка с выцветшими серыми подлокотниками.

– Обстановка у вас спартанская, мистер Эштон, – заметила Шафран.

– Я считаю, что это облегчает поиск нужной информации. – Он еще раз поправил блокнот и стопку книг, после чего сел на стул и выжидающе уставился на нее. На нем были серый

костюм и строгий синий галстук. Лишь темные выющиеся волосы нарушали идеальный порядок – бриолин не мог распрямить их до конца.

– Я пришла узнать, чем я могу вам помочь в подготовке экспедиции, – сказала Шафран.

– К сожалению, у меня еще не было возможности ознакомиться с материалами доктора Максвелла. Вчера мне пришлось объясняться с полицией.

– Полицией? – удивилась Шафран.

– Ясно. Значит, с вами они еще не говорили. Они расследуют то, что произошло с миссис Генри, – объяснил мистер Эштон.

– Почему полицию вдруг заинтересовала аллергическая реакция? – опешила Шафран.

– Это была не аллергическая реакция. – Поколебавшись, мистер Эштон добавил: – Миссис Генри впала в кому. Говорят, ее отравили.

Шафран ахнула:

– Отравили?

– Они полагают, что яд подсыпали ей в напиток. В шампанское. Бутылки передавали со всех сторон, и кто-нибудь мог легко туда что-то подмешать.

Потрясенная Шафран опустилась на стул напротив мистера Эштона. Миссис Генри производила впечатление обычного человека. Возможно, слегка неприятного, если учитывать подслушанный Шафран разговор в коридоре, но уж точно не настолько скверного, чтобы кто-то пожелал ее отравить.

– Но зачем кому-то травить миссис Генри? – вырвалось у Шафран.

Мистер Эштон ответил медленно, словно взвешивая каждое слово:

– Полиция целый час задавала мне вопросы, в основном о докторе Генри.

– Они думают, что это он отравил жену?

Мистер Эштон отвел глаза.

– Не знаю.

Он не желал больше об этом говорить и заверил Шафран, что сразу даст ей знать, если ему что-нибудь понадобится для подготовки.

Шагая по коридору, который уже наполнился гулом голосов, Шафран надеялась, что доктор Максвелл уже на месте и у него больше информации о миссис Генри. Седовласый профессор сидел за своим столом и что-то писал на листе бумаги. Шафран поставила сумку на стул в дальнем конце захламленного кабинета и улыбнулась Максвеллу, когда он поднял глаза.

– Доброе утро, Эверли, – пробормотал он более хриплым, чем обычно, голосом.

– Доброе утро, профессор, – ответила она, снимая перчатки и шляпу. – Вы успели просмотреть записи, которые я оставила?

– Нет, я решил сначала кое-что записать, пока не забыл. Полагаю, – он вскинул кустистые брови, – вы не заметили, что повсюду рыщет полиция?

– Нет, не заметила, – ответила Шафран. – Хотя я понимаю, что они должны сюда прийти, чтобы расспросить гостей с вечеринки.

– Думаю, вы уже слышали о жене доктора Генри.

– Я слышала, что это все-таки не аллергия. Так сказал мне Александр Эштон.

Доктор Максвелл нахмурился.

– Эверли...

Его прервал резкий стук в дверь. Максвелл с ворчанием поднялся на ноги, но Шафран оказалась проворнее.

В дверях стояли двое: джентльмен лет сорока и молодой мужчина в темно-синей форме полицейского, который вряд ли был намного старше Шафран. Первый мужчина выглядел таким же обыкновенным и мрачным, как его темная фетровая шляпа. Сержант в форме, с широко распахнутыми голубыми глазами и светлыми волосами, пряди которых выбивались из-под его высокого шлема, напоминал актера, исполняющего роль полицейского.

– Детектив-инспектор Грин, отдел уголовных расследований, – представился тот, что постарше. – Это сержант Симпсон. – Он указал на молодого человека. – Мы можем поговорить с доктором Аланом Максвеллом?

Максвелл побледнел. Шафран отступила, пропуская полицейских в кабинет.

– Инспектор, это мисс Шафран Эверли, моя помощница, – представил ее Максвелл, протягивая инспектору Грину дрожащую руку.

Инспектор кивнул Шафран. Оставшийся возле двери сержант Симпсон достал блокнот и карандаш.

Инспектор Грин повернулся к профессору.

– Доктор Максвелл, мы пришли задать вам несколько вопросов по поводу вчерашнего отравления миссис Синтии Генри.

– Может, мы отпустим мисс Эверли? – предложил Максвелл, глядя на нее.

Бесстрастные карие глаза инспектора обратились в ее сторону.

– Мисс Эверли, вы тоже присутствовали на вечеринке в резиденции Лейстеров?

– Да, присутствовала, – ответила она, решив не обращать внимания на профессионально отстраненную манеру инспектора вести разговор.

– Вы не против выйти на несколько минут, пока мы разговариваем с доктором Максвеллом? Симпсон вызовет вас, когда мы будем готовы поговорить с вами.

Ощущая сильнейшую тревогу, Шафран вышла в коридор.

Она меряла шагами прохладные, выложенные плиткой ступени лестницы, не обращая внимания на снующих мимо студентов. Она снова думала о миссис Генри и о том, что и сама пила шампанское, которое раздавали на вечеринке. Если бы злоумышленник перепутал бокалы или бутылки, то сейчас она сама, а не миссис Генри, лежала бы в коме. Она содрогнулась от ужаса. А вдруг она разговаривала с ним, сидела рядом с ним за праздничным столом – столом, за которым было полно ее коллег. Неужели преступник сейчас в университете?

Ход ее мыслей прервал голос молодого полицейского, окликнувшего ее по имени. Она поспешила обратно в кабинет. В дверях ее встретил встревоженный доктор Максвелл и предложил остаться с ней на время допроса.

– Спасибо, профессор, я справлюсь. – Она похлопала его по руке и ободряюще улыбнулась.

Инспектор занял стол доктора Максвелла, Шафран села на стул перед ним, а оставшийся у двери Симпсон попытался раствориться в пространстве, впрочем, без особого успеха. Его руки подрагивали, и Шафран предположила, что либо он не успел позавтракать, либо сильно нервничает.

Записав ее полное имя и адрес, инспектор приступил к допросу.

– Мисс Эверли, какова ваша роль в университете?

Шафран выпрямилась и ответила:

– Я помогаю профессору в его исследованиях. Я тоже ботаник.

– Вы присутствовали на вечеринке в субботу вечером, но вашего имени нет в списке гостей, предоставленном сэром Эдвардом.

– Приглашение распространялось на всех сотрудников кафедры ботаники и поступило к нам в четверг, то есть буквально в последний момент, – объяснила Шафран.

Доктору Максвеллу, чтобы присутствовать на вечере, пришлось прервать свой семейный визит. Вообще-то она ожидала, что он будет больше ворчать по этому поводу.

– Когда вы туда прибыли? – спросил инспектор Грин.

Шафран принялась описывать ход вечера. Инспектор то и дело останавливал ее и задавал уточняющие вопросы:

– Вы утверждаете, что удалились из гостиной после того, как там остались одни мужчины, и не возвращались до тостов. Это заняло около двадцати минут. Чем вы занимались?

Шафран смутилась и тут же разозлилась на себя за это.

– Я отлучалась по личным делам. А в коридоре столкнулась с Александром Эштоном, и у нас состоялся разговор.

– Ясно. О чем вы говорили?

– Ну, мы... – Не видя смысла ходить вокруг да около, она решила честно признаться, что подслушивала, тем более что это могло оказаться важно для расследования. Да и инспектор, вероятно, уже слышал об этом от мистера Эштона. – Мы случайно подслушали разговор миссис Генри и леди Агаты.

Шафран вкратце передала суть разговора и добавила, что находилась совсем рядом с миссис Генри, когда та упала. Инспектор ответил не сразу. Шафран взглянула на Симпсона, который жадно наблюдал за начальником, пока тот делал заметки.

– Я была потрясена, услышав, что на самом деле это яд, а не аллергическая реакция, хотя врач уверял, что это именно она, – продолжала Шафран, ломая голову, что еще ей удастся узнать у инспектора. – В детстве я случайно съела ядовитое растение, и у меня была совсем другая реакция. Но я думаю, что каждый яд проявляет себя по-разному.

– Да, они по-разному влияют на организм.

– А что это был за яд?

Инспектор продолжал внимательно изучать свои записи.

– К сожалению, этого я сказать не могу.

– Как вы думаете, отравить хотели именно миссис Генри?

Инспектор Грин бросил на нее острый взгляд.

– Почему вы спрашиваете?

Наверное, своим бесцеремонным вопросом она затронула какую-то важную тему.

– Шампанское, в котором мог содержаться яд, свободно передавалось по залу из рук в руки. Возможно, предполагаемая жертва просто передала бокал дальше и так и не узнала, что бокал предназначался ей.

Инспектор Грин встал и сказал:

– Возможно, мисс Эверли. Нам нужно допросить еще нескольких гостей. Мы будем поблизости на случай, если вы вспомните что-то еще.

Полицейские ушли, и тотчас же вернулся доктор Максвелл.

– Что они сказали? Что хотел знать инспектор? – нахмурив брови, спросил он.

Шафран никогда прежде не подвергалась допросам и не знала, было ли в вопросах инспектора что-то необычное. Ей они показались достаточно простыми. Но доктор Максвелл выглядел таким взвинченным, что она ободряюще улыбнулась.

– Ничего особенного, профессор.

Глава 4

До обеда они занимались своими делами. Доктор Максвелл нервничал и даже не замечал, как часто Шафран отвлекалась от работы. События последних дней крутились в ее голове и порождали вопросы, на которые не находилось ответов. Кто отравил миссис Генри в самый разгар вечеринки? Собирались ли отравить именно ее или она пострадала по ошибке? И если ее, то почему?!

Шафран хотела спросить, что думает по этому поводу доктор Максвелл. Список людей, которым она доверяла, был очень коротким, и доктор Максвелл занимал в нем почти самую верхнюю строчку. А еще ей хотелось спросить, почему его отказались брать в экспедицию. Ей было обидно, что он не упомянул о своем намерении посетить Амазонку и даже подал заявку на участие в экспедиции, не сказав ей ни слова, как будто это не повлияло бы на ее будущее.

Но она придержала язык, и после обеда Максвелл отправил ее в библиотеку провести кое-какие изыскания, рассчитывая, что она пробудет там до конца дня.

Библиотека располагалась на первом этаже здания Уилкинса, в центре кампуса. Большой зал заполняли высокие стеллажи с книгами, за рядами обшарпанных столов сгорбились студенты. Библиотекари считали, что обязаны беречь книги от воздействия сил природы, и поэтому не было никакой надежды на то, что прохладный весенний ветер ворвется в высокие окна и развеет запах пыльных старых книг и взвинченной молодежи. Впрочем, атмосферу нельзя было назвать затхлой – ее оживлял и шелест переворачиваемых страниц и снующие туда-сюда ученые, которые являлись в библиотеку, чтобы пополнить свои знания.

Вместо того чтобы направиться к полкам с книгами по ботанике, Шафран прошла мимо высоких стеллажей в медицинский отдел в поисках текстов о ядах. Было практически невозможно сосредоточиться на работе, когда вопросы инспектора и ее собственные вопросы неотвязно звенели в голове, словно мухи, слетевшиеся на цветущий *Amorphophallus titanium*⁷. Она сняла с полки книгу, которая выглядела солиднее остальных, однако пролистав ее страницы, обнаружила, что справочник содержит названия ядов по алфавиту, а не по симптомам. Шафран вернула справочник на место и взяла несколько других, перепачкав пылью белую блузку и серую юбку.

Сидя за длинным столом в центре зала, Шафран пять минут изучала незнакомые медицинские термины, после чего отправилась искать книгу по медицинской терминологии. Просмотрев все списки ядов, Шафран задумалась, а не дали ли миссис Генри какой-нибудь легкодоступный искусственный токсин. Она не сомневалась, что помощники инспектора Грина прочесывают магазины рядом с домами завсегдатаев вечеринок в поисках того, кто недавно покупал крысиный яд.

Инспектор сказал, что не может раскрыть ей название яда, но что-то в его тоне и в том, как он покосился на сержанта, укрепило Шафран в подозрении, что в полиции на самом деле не знают, с чем им пришлось столкнуться. Будь это обычный токсин, врачи распознали бы симптомы и, возможно, определили бы его с помощью анализа крови. Значит, полицейские столкнулись с ядом неизвестного происхождения. Увы, преподаватели университета имели доступ ко всем видам токсичных химикатов и растений. Вопрос лишь в том, учитывал ли это инспектор Грин.

Шафран перебрала в уме все растения из университетских оранжерей. Она знала наизусть все растущие там образцы, включая те, что в данный момент цвели или плодоносили. Она составила список, вычеркнула те, употребление которых не оказывало серьезного токсич-

⁷ Аморфофаллус титанический – крупное тропическое растение. Аромат цветка напоминает смесь запахов тухлых яиц и тухлой рыбы.

ческого воздействия, и поставила знак вопроса рядом с теми, о которых не знала наверняка. Инспектору Грину придется сильно попотеть, пытаясь сузить круг подозреваемых – если он считал, что виновато растение.

Внезапно она увидела изображение мексиканского растения и вспомнила, что доктор Максвелл несколько десятилетий назад привез его в Англию. Лиана болезненного желтого оттенка обвивала дерево, крепко цепляясь за своего хозяина. Максвелл назвал ее лианой шолотль⁸ в честь ацтекского бога грозы и смерти, поскольку схема ее роста в чем-то напоминала молнию, а содержащийся в листьях токсин поражал с такой же быстротой. Шафран не покидало ощущение, что Максвелл наслаждался грозной славой своего растения и время от времени рассказывал сомнительные истории о людях, которые падали, едва пригубив этот яд. По его недвусмысленному требованию к *Solandra xolotum* относились с величайшей осторожностью и при уходе за ней всегда надевали перчатки. В результате большинство людей предпочитали обходить растение стороной, позволив ей оккупировать большую часть относительно пустой теплицы. Оранжевый смотритель мистер Уинтерс ограничивал свой уход за ней поливом.

Шафран сделалось не по себе. Все знали, что шолотль был привезен сюда доктором Максвеллом и находился под его протекцией. То, что она слышала от других, позволяло заключить, что данное растение безумно опасно. А миссис Генри упала, едва шампанское коснулось ее губ. Доктор Максвелл утром очень нервничал...

Нет, ее начальник не мог быть причастен к отравлению. Чем ему помешала миссис Генри? На самом деле вопрос следовало задать иначе, и тогда всплывала правда, которую Шафран не хотела признавать и от которой ее сердце учащенно забилося. Ведь настоящей жертвой мог быть доктор Генри, а уж против него у доктора Максвелла точно что-нибудь бы нашлось.

– Мисс Эверли...

Услышав голос, она вздрогнула. Судя по тону, говоривший пытался окликнуть ее уже не в первый раз. Она посмотрела в темные глаза мистера Эштона, который с любопытством разглядывал ее. Перекинув пиджак через руку, он держал в свободной руке стопку книг. Облегающий темно-серый жилет и сдержанный синий галстук по-прежнему поражали своей безупречностью, хотя рукава белой рубашки были закатаны до локтей.

– У вас есть минутка, чтобы обсудить образцы доктора Максвелла? – Заметив ее недоуменный взгляд, он добавил: – Я насчет экспедиции.

– Да, конечно. – Шафран рассеянно кивнула, быстро собрала свои заметки и спрятала их под блокнот, одновременно пытаясь привести в порядок свои мысли. Откашлявшись, она спросила: – Что именно вас интересует?

– Сегодня утром я услышал от завкафедрой, что Эриксон отказался от поездки. Очевидно, его жена выразила свое недовольство тем, что он будет отсутствовать в момент рождения их ребенка, – с легкой улыбкой пояснил Эштон. – Меня попросили его заменить.

Шафран ощутила укол зависти, но она все же улыбнулась и произнесла:

– Поздравляю! Вот это новость!

– Спасибо. Я просмотрел бумаги Эриксона и увидел, что у меня лишь набросок проекта доктора Максвелла и, кажется, неполный список образцов, которые требуется для него собрать за время экспедиции. – Он положил стопку книг, повесил пиджак на спинку стула, достал бумагу и протянул ее ей. Вдоль его правой руки тянулся широкий шрам, прежде скрытый пиджаком. На загорелой коже шрам резко выделялся. На руке и запястье белели несколько пятен, а за ними начинался лабиринт пятнистых и сморщенных линий белого, розового и

⁸ Шолотль – в ацтекской и тольтекской мифологии бог грозы и смерти, «тёмный» брат-близнец Кетцалькоатля, один из двух сыновей девы Коатликуэ.

коричневого оттенков. Шафран удивилась, что он не стесняется закатывать рукава в присутствии посторонних. Большинство предпочли бы скрывать такой недостаток.

В надежде, что он не заметил ее пристального взгляда, Шафран поспешно уткнулась в бумаги. Перед ней и правда лежал неполный список образцов, составленный корявым почерком доктора Максвелла. Не в силах скрыть раздражения, она произнесла:

– Доктор Максвелл долго тянул с завершением своего проекта.

Темные брови мистера Эштона приподнялись:

– Мы уезжаем через две недели. Проект должен был быть готов неделю назад.

О сроках она была прекрасно осведомлена. Они стали источником тех немногих разногласий, которые возникли у нее с Максвеллом за почти пять лет сотрудничества. Ее сердце сжалось при воспоминании о его словах, что ей не понять, под каким давлением он находится и как высоки ставки. Она не знала, почему он просто не обратился к ней за помощью. Сдержав вздох, Шафран произнесла:

– Я понимаю, мистер Эштон. Давайте начнем со списка образцов.

Они работали, пока в высоких арочных окнах не погас свет. Вскоре единственными источниками света стали зеленые настольные лампы на столах. Тишина, обычно нарушаемая шелестом страниц и тихим гулом голосов, окутала их густой тяжелой пеленой. Когда библиотекарь, толкающий грохочущую тележку с книгами, многозначительно откашлялся, Александр огляделся и взглянул на наручные часы. Шесть часов. Как? Прошло уже два часа?

– Я и не заметил, как пролетело время, – он хмуро посмотрел на окна, за которыми виднелось темное мрачное небо. Вдали грохотал гром. От этого звука его нервы напряглись, но он постарался не заикливаться на тревоге.

– А мы даже и половины не прошли, – подхватила мисс Эверли, хотя ее, похоже, не смущал длинный список образцов, которые они еще не рассмотрели.

Ей нравилось, как скрупулезно и добросовестно Александр уточнял детали, хотя из беспорядочных заметок в ее блокноте и частых переходов с одной темы на другую было ясно, что такой дисциплинированный подход ей не свойственен. Внутри Александра все сжималось при виде ее записей, но было видно, что она горит желанием помочь и, кроме того, знает список настолько хорошо, что ей не требовалось заглядывать в справочники, разложенные на столе между ними.

Александр встал. Ему хотелось уйти, пока снаружи не разразилась буря. Он никогда не мог сказать заранее, какую реакцию у него вызовут гром и молнии. Эштон опустил рукава рубашки, сделав над собой усилие, чтобы не торопиться. Мисс Эверли вытаращила глаза, как и все, кто впервые видел его изувеченную руку, но он решил, что не имеет смысла показывать, что это его хоть как-то задевает. Он не стал застегивать запонки, чтобы не возиться с ними в ее присутствии, и надел пиджак.

Мисс Эверли встала, собрала свои вещи и мило улыбнулась ему, держа стопку тяжелых книг. Он почувствовал, как дрогнули уголки его губ, и позволил себе улыбнуться в ответ.

Они направились к стеллажам, и их шаги гулко отдавались в тишине помещения. Он любил работать в библиотеке в такое время: тишина была знакомой и успокаивающей.

Они вышли через арку в плавно изгибающийся атриум, оклеенный светло-голубыми шелковистыми обоями и украшенный классическими рельефами. Галерея Флаксмана недавно открылась после длительного ремонта, и теперь небольшое восьмиугольное помещение поражало своей красотой. Солнечным утром, когда яркий свет освещал галерею и заставлял сиять вдоль стен орнаменты из слоновой кости, перед этим зрелищем не мог устоять даже тот, кого искусство не интересовало. Теперь это куполообразное помещение выглядело бы бледно-голубым и тусклым, если бы не маленькие электрические лампочки, отбрасывающие на рельефы желтые блики. В центре высилась выразительная статуя, которая изображала архангела Миха-

ила, побеждающего дьявола, но сейчас, когда Эштон и Шафран шли через зал, фигуры утопали в тени и видны почти не были.

Мисс Эверли остановилась на границе портика. Белые ступени за колоннами потемнели от крупных капель дождя. Порыв ветра подхватил листья и разбросанные бумаги, разметав их по большому овалу выложенного мозаикой внутреннего двора. Ветер отяжелел от запаха дождя. Затылок Александра неприятно покалывало.

Они едва успели шагнуть к лестнице, как небо озарила вспышка молнии, за которой последовал оглушительный раскат грома, сотрясший землю под ногами. От этого звука у Александра перехватило дыхание, но зрение не затуманилось, сердечный ритм не нарушился. Он усилием воли расслабил пальцы, судорожно вцепившиеся в книги.

За то мгновение, которое ему потребовалось, чтобы глубоко вздохнуть и собраться с мыслями, электрические огни в здании Уилкинса и других зданиях по периметру двора погасли. Небо разверзлось, и начался проливной дождь.

Капли дождя попали на его лицо, он отступил от лестницы и направился к двери.

Мисс Эверли, вместо того чтобы спрятаться от ливня и грома, подняла лицо к небу и закрыла глаза. На ее губах играла мягкая улыбка, а светлая кожа почти светилась в тусклом свете двух газовых фонарей.

– Это прекрасно, не так ли? – прошептала она и сделала глубокий вдох.

Александр изумленно приподнял брови. Чаще всего дождь уносил его мысли обратно в темную, грязную траншею.

Она пристально посмотрела на него, продолжая улыбаться, и добавила:

– Свежий дождь, мокрая трава, цветы, аромат обновленной Земли. Понимаете?

– Никогда не обращал на это внимания, – сделав над собой усилие, произнес он.

Широко распахнув голубые глаза, мисс Эверли шагнула к нему под крышу портика, спасая свои книги от дождя.

– Но это лучшее, что есть в весне! – возразила она. – Это то, ради чего я вскакиваю по ночам!

Он моргнул, не зная, как реагировать на такое замечание.

Мисс Эверли густо покраснела, но продолжила менее капризным тоном:

– Весенняя бессонница, знаете ли. С моим отцом тоже такое случалось каждую весну. Он говорил, что в апреле и мае может часами лежать без сна с открытыми окнами, наслаждаясь запахом дождя, земли и слушая насекомых и лягушек.

Упоминание об отце мисс Эверли вызвало в памяти Александра воспоминания о другом Эверли, профессоре, которого он знал до войны. Оно было смутным и заслонилось тем, с чем он столкнулся за прошедшие годы, но он не сомневался, что это тот же самый человек.

– В начале учебы у меня был профессор по фамилии Эверли. Кажется, он читал курс начал ботаники. Это ваш родственник?

Удивленная улыбка осветила ее лицо.

– Да! Скорее всего, это мой отец. Он здесь преподавал. Правда, недолго.

– Должно быть, он вами очень гордится. – Господь свидетель, его собственный отец гордился бы им, если бы он придерживался плана и, как и родитель, стал адвокатом.

Ее сияющая улыбка дрогнула, и она поспешно спросила:

– Так как вы оказались в биологии? Насколько я помню, вчера на вечеринке вы не ответили.

Александр повернулся к невидимому дождю. Он предпочел бы не говорить о том, почему он выбрал биологию, а не юриспруденцию, но она была так откровенна в своей любви к весне и дождю, что он чувствовал, что она заслуживает честный ответ.

– Поступив в университет, я планировал изучать юриспруденцию, – начал он. – Я не был уверен, что это мое, но отец настоял, вот я и пошел. Потом война... – Он и прежде был

немногословен, а тут его слова и вовсе иссякли. Он боялся, что то, что он скажет, может окончательно оттолкнуть эту странную девушку от него. – На войне мне было не хуже, чем остальным. Мне... повезло. Я смог вернуться домой, как и многие, оставив позади войну, смерти и потери. Оказавшись в университете снова, я заглянул в микроскоп, и увиденное меня зацепило. В конце концов, биология – это изучение жизни.

Собравшись с духом, он посмотрел на Шафран. Его поразило, как страстно он надеялся, что она не смотрит на него с жалостью.

Ее большие голубые глаза были полны скорее боли, чем сострадания.

– Мой отец оставил свою работу в университете и пошел сражаться. Он погиб, – тихо промолвила она. – Я всегда мечтала продолжить его дело. Я хочу, чтобы он гордился мной, ведь я занимаюсь тем, что он так любил.

Александр не знал, что ответить на столь пронзительные слова.

Вспышки молний освещали небо и территорию университета, выхватывая из тьмы двора силуэты деревьев. Дождь и ветер прорезали мрак. Они могли бы вернуться в фойе или галерею и переждать там, но у мисс Эверли, похоже, не было желания прятаться внутри, и Александр понял, что и у него тоже. Обычно он предпочитал пересидеть грозу дома или в офисе, убеждая себя, что не обращает внимания на вспышки молний и раскаты грома, но неожиданно оказалось, что он действительно может наблюдать грозу и не сходить с ума. Мисс Эверли сумела его отвлечь. Благодаря их странному, полному признаний разговору буря отошла на второй план.

Вскоре электрические огни зданий, расположенных по периметру внутреннего двора, вернулись к жизни и вновь зажглись.

– Ах! Увидимся завтра, мистер Эштон, – произнесла мисс Эверли и повернулась к двери.

Легкость, с которой она вернулась к безразлично-вежливому тону, произвела на него такое впечатление, как если бы галстук вдруг оказался слишком тугим и сдавил шею.

– Александр, – сказал он и открыл перед ней дверь. – Пожалуйста, зовите меня Александр.

Глава 5

Разразившаяся накануне вечером гроза уже кончилась, и небо пленяло своей сияющей синевой. День обещал быть погожим, и Шафран надела голубую блузку и юбку в тон. Она вышла в узкий коридор квартирки в Челси, которую снимала пополам с Элизабет, и отправилась на поиски своей соседки.

Остановившись в дверях кухни, Шафран с нежностью посмотрела на женщину в эффектном малиновом халате. Та потягивала кофе, сидя за маленьким кухонным столом, на котором был накрыт вкусный завтрак. Они с Элизабет всегда были лучшими подругами и соседками, поскольку вместе росли в сердце Бедфорда. Когда-то, казалось, что они будут вместе всю жизнь, тем более что предполагалось, что Шафран выйдет за Уэсли, брата Элизабет, и это должно было еще сильнее сблизить их семьи.

Война не только отняла Уэсли и у семейства Хейл, и у Шафран, но и уничтожила состояние семьи Хейл. Когда от Элизабет на семейном совете потребовали, чтобы она вышла замуж за богатого, но мерзкого старика, чтобы предотвратить окончательное разорение семьи, она сбежала с Шафран в Лондон.

Поначалу происходящее представлялось чем-то вроде грандиозного приключения. Когда Шафран была свободна от занятий, они вместе исследовали город. Вскоре бабушка и дедушка Шафран поняли, что она предана учебе так же страстно, как и их сын, и прекратили ее содержать. Несмотря на скудные средства, которые Шафран сумела выделить ее мать, подруги внезапно ощутили отчаянную нехватку денег. Элизабет приступила к поискам работы и с энтузиазмом взвалила на себя все обязанности по дому, но не только для того, чтобы показать членами их семей, что они больше не нуждаются в поддержке и со всем справятся сами. У нее обнаружился истинный талант к приготовлению пищи и организации домашнего быта. Элизабет освободила Шафран от необходимости искать работу, которая бы отвлекала ее от учебы, и Шафран спокойно получила диплом, на каждом шагу ощущая поддержку своей подруги.

Элизабет оторвала взгляд от утренней газеты и улыбнулась. На ее лице был свежий макияж, хотя из небрежно уложенных русых волос торчали шпильки.

– Шаф, дорогая, у тебя сегодня какие-то важные дела?

– Нет, просто нужно выполнить пару заданий доктора Максвелла.

Налив себе чашку кофе, Шафран схватила великолепно прожаренный кусочек хлеба, смазанный маслом.

– Почему ты спрашиваешь? – поинтересовалась она, хрустя тостом.

– Ты надела серьги.

Шафран и в самом деле надела жемчужные сережки, подарок мамы на день рождения.

– И что?

Элизабет усмехнулась.

– Дорогая, ты абсолютно безразлична к своему внешнему виду, если только нет бабушки и дедушки, от которых нужно защищаться, или мужчины, которого нужно заинтересовать. – Она театрально сложила руки с ярко-красным лаком на ногтях и закатила глаза. – Пожалуйста, не говори, что мы ждем твоих бабушку и дедушку!

Шафран вздрогнула.

– Ты что – если бы они должны были явиться, я бы предупредила тебя за неделю, а то и раньше. Нужно, черт возьми, время, чтобы подготовиться к такому испытанию, как их визит. – Да, они лишили ее финансовой поддержки, но продолжали делать все, чтобы оставаться частью ее жизни. Строгой, подавляющей частью.

– Понятно. Тогда кто этот мужик?

Шафран рассмеялась и отряхнула пальцы над раковиной.

– Да нет никакого мужика.

Элизабет последовала за ней в коридор, шурша халатом, под которым скрывались весьма аппетитные формы.

– Это не тот парень, о котором ты рассказывала, дорогая? Он якобы изучает бактерии. Ну что это за работа?!

– Мне пора.

Шафран улыбнулась самой обаятельной улыбкой, на какую была способна, схватила пальто и шляпу и выскочила за дверь, прежде чем Элизабет успела забросать ее вопросами.

Наспех приколов шляпку специальной шпилькой поверх пучка волос, она спрыгнула с лестницы на тротуар. В середине апреля весна уже разгулялась вовсю, и Шафран решила, что не станет трястись в автобусе, а часть пути пройдет пешком – хотя путь от ее крошечной квартиры в Челси предстоял неблизкий.

Цветущие грушевые деревья, чьи ветви словно были облеплены кружевной пеной лепестков, алые тюльпаны, пробуждающаяся природа – все казалось Шафран невероятно поэтичным, но по зрелом размышлении она решила, что поэзию лучше оставить на долю подруги. В дополнение к работе секретарем у мелкого министра, которого они между собой называли «лордом», Элизабет публиковала стихи под псевдонимом, и Шафран считала, что, учитывая их пикантную тематику, это весьма мудрое решение. Элизабет нравилось слушать, как красноречиво описывает растения подруга. Однажды профессор отчитал Шафран за то, что в ее статье слишком много прилагательных, и она серьезно отнеслась к его словам о том, что она в первую очередь ученый и лишь потом любитель.

Срезав путь через Гайд-парк, она села в двухъярусный красный автобус, который повез ее по извилистым улочкам Мейфэра в Фицровию. Доехав до остановки «Юстон-сквер», она вышла и, как всегда, остановилась перед высоким каменным обелиском в центре площади, стоявшим на постаменте, по углам которого выделялись четыре бронзовые фигуры. Она произнесла безмолвную молитву за потерянные на войне души, за своего отца, своего погибшего возлюбленного Уэсли и за бесчисленное множество других, после чего преодолела последний отрезок пути до университета.

Шафран обошла толпу студентов во внутреннем дворе и поднялась на второй этаж северного крыла. Увидев перед дверью доктора Максвелла детектива-инспектора Грина, она растерялась.

– Я могу вам чем-то помочь, инспектор? – спросила она, нервно стиснув сумочку.

– Я хотел поговорить с доктором Максвеллом, – сказал инспектор, пристально глядя на нее. – Вы не знаете, когда он освободится?

– Через двадцать минут он будет присутствовать на собрании в кабинете доктора Беркинга.

– Когда завершится встреча?

– Обычно такие собрания длятся сорок минут, а иногда час, если кто-то из профессоров окажется чрезмерно словоохотливым. – Шафран сделала паузу, глядя на инспектора. – Может, я передам ему от вас сообщение?

– У меня к нему несколько дополнительных вопросов. Я зайду позже.

Шафран охватила странная тревога. Убедившись, что инспектор исчез в конце коридора, она вошла в кабинет и оглядела господствующий там хаос. За несколько часов, что она провела вчера в библиотеке, доктор Максвелл умудрился уничтожить все результаты ее уборки, проведенной в его отсутствие. В центре маленького, обшитого деревянными панелями кабинета стоял большой письменный стол. Вернее, Шафран подозревала, что стол находится где-то там, под беспорядочными стопками книг и кипами бумаг. Книжные полки по обе стороны стола были до отказа забиты толстыми томами. Картотечный шкаф венчал огромный папоротник, свисающие листья которого скрывали пожелтевшие от времени этикетки на двух верхних

ящиках. Единственной свободной стеной в кабинете была та, что напротив письменного стола. Висевшая на ней картина в рамке отражала утренний свет.

Яркими акварельными красками Шафран изобразила *Houlletia tigrina*, любимый вид орхидей профессора, и подарила эту картину ему по случаю своего окончания Университетского колледжа в прошлом году. Это был скромный знак признательности за каждую добрую улыбку профессора, за тепло и поддержку как в удачах, так и в поражениях на протяжении многих лет. Сколько раз ей хотелось сдаться и вернуться к скучным светским делам, от которых она сбежала! Тогда Максвелл делился с ней своими, казалось бы, неуместными воспоминаниями о студенческих днях, и она брала себя в руки. Сколько слез пролилось в этом кабинете, сдерживаемых мягкими напоминаниями Максвелла о трудностях и победах Томаса Эверли! Этот простой рисунок ни в коей мере не мог служить достаточной наградой за его руководство и поддержку. Она до сих пор помнила, как дрожал голос расчувствовавшегося Максвелла, когда он благодарил ее за подарок. В свой первый день в качестве его ассистента она расплакалась, когда увидела, что он повесил картину в своем кабинете.

Вздыхнув, Шафран положила вещи на свой стол и подошла к опасно накренившейся стопке бумаг на столе доктора Максвелла. Она поморщилась, обнаружив под папками на краю стола две чашки с остывшим чаем, и едва не выплеснула его на отчет 1863 года о «Выращивании хинного дерева в Индии».

Прошел почти час, прежде чем кабинет перестал выглядеть как жертва пронесшегося урагана и начал напоминать место работы. Шафран вернулась за свое бюро, где она привыкла заниматься не нудной секретарской работой, а настоящими исследованиями. Сейчас профессор стал уделять особое внимание всему, что связано с хлорофиллом, и она принимала в его работе активное участие. Недавний труд немецкого ученого Рихарда Вильштеттера вдохновил его на углубленное изучение данной темы. Шафран должна была найти все доступные материалы, касающиеся пигментации растений и солнечного света, и уже несколько месяцев просматривала всевозможные тексты. Заодно она вела собственное исследование, основанное на своих находках, которое дополняло работу доктора Максвелла и позволило бы ей сотрудничать с ним и дальше.

Однако недавно она поняла, что новая должность таит в себе не только преимущества, но и подводные камни. Работа с доктором Максвеллом продвигалась успешно, хотя исследование пигментации растений не особенно ее вдохновляло. Но она не планировала быть его ассистенткой вечно и хотела закрепить за собой место на кафедре, чтобы иметь возможность проводить самостоятельные исследования и преподавать, как ее отец. На работу ее приняли не сказав, чтобы тепло, и действия Беркинга на протяжении последних нескольких месяцев не раз заставляли ее усомниться в своих планах. Он был относительно молодым заведующим кафедры и мог доставать ее еще много лет. Избегать контакта с ним было невозможно, потому что любое ее исследование требовало согласия с его стороны. Сможет ли она смириться с тем, что ее карьера в руках Беркинга?

Шафран тяжело вздохнула. История с полицией и отравлением приводила ее в уныние.

Чтобы взбодриться и хотя бы на время забыть о своих заботах, Шафран открыла 34-й выпуск журнала «Ботанические анналы» и продолжила делать выписки оттуда.

Несколько часов спустя Шафран решила сделать перерыв, утомленная как изучением текстов, так и размышлениями о том, куда подевался профессор. Скорее всего, он и доктор Эстер опять затеяли спор и отсиживались в кабинете доктора Эстера. Заодно она в глубине души надеялась снова увидеть мистера Эштона, то есть Александра, но он тоже не появлялся.

Чтобы сменить обстановку, Шафран надела пальто и шляпу и вышла из северного крыла. Наполненная впечатляющей коллекцией растений ее отца оранжерея в поместье деда, которую она помнила с детства, была пустяком по сравнению с множеством университетских теплиц. В

пяти оранжереях была собрана обширная коллекция растений со всего земного шара, и хотя острой необходимости в этом не было, Шафран отправилась именно туда.

Расположенные в небольшом парке длинные стеклянные теплицы выделялись на фоне приземистых кирпичных зданий и окружающей их зелени. Накопившийся на стеклах конденсат скрывал произраставшие внутри деревья, папоротники и лианы. Шафран толкнула дверь в первый парник, и ее окутал влажный воздух, насыщенный ароматами суглинка и сотен экзотических цветов, знакомый и удобный, как любимый джемпер.

Шафран подошла к старому рабочему столу напротив двери, натянула пару толстых кожаных перчаток и повязала фартук. Свои короткие, заляпанные грязью сапоги, стоявшие рядом с другими, она надевать не стала.

Из зеленых зарослей ей навстречу вышел худой морщинистый мужчина. Его седые волосы в беспорядке свешивались на обветренный красный лоб, а одежда под кожаным фартуком была поношена и заляпана грязью.

– Эверли, – вместо приветствия произнес мистер Уинтерс.

– Здравствуйте, сэр. Как поживает китайский финик? – осведомилась Шафран, заметив на его вечно грязных ладонях несколько рваных порезов.

– Шипов все больше с каждым днем. Не понимаю, почему их так интересует эта чертова штука! Если хотите знать мое мнение, то это пустая трата места и удобрений, – проворчал собеседник.

Шафран с нежностью посмотрела на старика. Мистер Уинтерс был садовником, а на старости лет стал смотрителем теплиц. Он умело ухаживал за каждым растением, произраставшем в Европе, но расстраивался и обижался, когда приходилось тратить время на заполнявшие оранжереи экзотические растения. Шафран подумала, что он бы так сильно не злился, если бы надевал перчатки. Несмотря на процветающий биологический факультет, который включал в себя кафедру ботаники и несколько других, оранжереи популярностью не пользовались. Возможно, из-за их ворчливого смотрителя.

Шафран прошла через другие теплицы. Самый крупный филодендрон пустил несколько новых воздушных корней, похожих на толстые веревки. На одном из самых крупных кактусов чернело пятно, а другой готовился расцвести. Идя наугад, она оказалась в дальней части почти не занятой теплицы, последней в ряду. Вся задняя ее стена была покрыта желтыми лианами. Шафран подошла ближе и стала рассматривать сердцевидные листья, указывающие острыми кончиками в пол. В самом широком месте листья лианы были размером с ее ладонь, хотя она помнила, что в исследованиях Максвелла было указано, что в естественной среде обитания они вырастали до размеров крупной мужской ладони. Шафран стало не по себе, когда она осмотрела нижнюю ветку. Над одним из чешуйчатых коричневых узлов виднелся чистый срез. Бледная плоть еще не затянулась – значит, срез недавний.

Мистер Уинтерс все еще хозяйничал в первой теплице, когда Шафран вернула на место перчатки и фартук. Его руки были по локоть погружены в землю, и он с кряхтением повернулся, готовясь перенести туда лоток с ростками.

– Мистер Уинтерс, вы сегодня видели доктора Максвелла? – спросила Шафран.

– Не видел, – покачав головой, ответил садовник. – Заходил как-то на днях, он заглядывает сюда раз в несколько дней. – Он вытащил руки из земли и осторожно поднял росток.

– Вы... – начала она, не зная, как сформулировать вопрос, чтобы не разозлить смотрителя оранжереи. – Я видела, что кто-то взял черенки с нескольких растений. Среди прочего побег лианы шолотль.

Мистер Уинтерс поднял глаза и нахмурился.

– Вот черт! Никакого уважения к собственности университета. И никакого, черт возьми, уважения к себе! Все знают, что эта адская штукавина – билет в загробную жизнь.

Шафран слабо улыбнулась и ушла. Солнце переместилось в западную часть неба и отбрасывало на тротуар короткие тени. Девушка быстро зашагала обратно в северное крыло, внезапно почувствовав острое желание увидеть доктора Максвелла. Как бы ни злился Максвелл, отравителем он быть не мог, но инспектор этого не знал.

Шафран вошла в холл и остолбенела, обнаружив там нескольких мужчин в форме. Они были словно копиями сержанта Симпсона и охраняли коробки, выстроенные в ряд в коридоре. Дверь в кабинет доктора Максвелла была открыта, но внутри находился не профессор, а сам Симпсон. Двое мужчин стояли у стола профессора и складывали в коробки его бумаги.

– Прошу прощения, – с порога выпалила Шафран. – Что вы делаете?

Симпсон посмотрел на нее, поджав губы:

– Собираю доказательства.

– Доказательства чего? – спросила Шафран и посторонилась, пропуская одного из мужчин с большой коробкой в руках. Другой полицейский подошел к книжному шкафу, и она не выдержала: – Осторожнее!

Симпсон не ответил на ее вопрос.

– Вы не знаете, где доктор Максвелл? – Она раскрыла рот, чтобы повторить вопрос, но тут другой полицейский начал сбрасывать книги с полки в коробку, и она метнулась к нему. – Нельзя их так швырять! Многие из них проиллюстрированы от руки! – Задышавшись от ужаса, она повернулась к Симпсону. – Вы не можете просто так изъять рабочие материалы доктора Максвелла, сержант. Мы готовимся к экспедиции! Где доктор Максвелл?!

Симпсон, казалось, продолжал изучать свои записи, хотя теперь его взгляд не двигался по строкам.

– Его допрашивают в полицейском участке.

– Но почему? – ахнула Шафран. – Инспектор ведь уже поговорил с ним здесь.

– Он под подозрением. – С каменным выражением лица, резко контрастирующим с его мальчишеским видом, Симпсон повернулся и вышел в коридор. Он слегка подпортил свой властный имидж, когда споткнулся об одну из коробок, и его высокий шлем съехал набекрень.

– Подождите! – Шафран поспешила за ним. – Что это значит – под подозрением?

Несколько молодых людей прервали свой разговор и уставились на Шафран. Ее лицо вспыхнуло.

Симпсон вернул шлем на место и твердо произнес:

– Его подозревают в отравлении миссис Синтии Генри. И в предполагаемом покушении на убийство доктора Лоуренса Генри.

Он подал знак группе нагруженных коробками мужчин, и они стали спускаться по лестнице. Шафран стояла посреди коридора и что-то бормотала, не в силах подобрать нужные слова. Присутствующие продолжали мерить ее любопытными взглядами, и она отступила в кабинет, схватила оставленные в двери ключи и заперлась внутри. Она тяжело опустилась на потертый кожаный диван и устала на стол доктора Максвелла.

Беспорядок был здесь частым гостем, однако теперь кабинет выглядел почти пустым. Должно быть, инспектор Грин пришел к тому же выводу, что и она, – иначе зачем было полиции забирать вещи доктора Максвелла? Любой из работающих в северном крыле сотрудников, кого ни спроси, первым делом назовет в качестве подозреваемых доктора Максвелла и его печально известный шолотль, а остальные наверняка знали о разногласиях между доктором Максвеллом и доктором Генри.

Она встала и принялась искать записи или документы, в которых бы упоминался шолотль. Она заглянула в каждый уголок, каждую щель, в каждый ящик и перерыла каждую книгу, которую не забрала полиция. Ничего. В горле встал ком, глаза защипало от слез разочарования. Как, черт возьми, она докажет невиновность Максвелла, если у нее нет никакой информации?

Шафран бросилась к своему столику, схватила сумку и засунула руки в карманы пальто. Ее разум мчался наперегонки с сердцем. Как быстро она сможет добраться до полицейского участка?

Глава 6

Такси затормозило перед полицейским участком, и Шафран, несмотря на то, что ее нервы были напряжены до предела, замерла, едва ступив на многолюдный и шумный тротуар. Разрешат ли ей встретиться с доктором Максвеллом? Ведь она не являлась ни его родственницей, ни адвокатом. Но вдруг удастся хотя бы оставить для него сообщение.

Она расправила плечи и вошла в полицейский участок. Внутри оказалось сумрачно и уныло. Серые стены были заляпаны грязью, плитка под ее каблуками выцвела и потрескалась. За стойкой регистрации сидел дородный румяный мужчина. Она спросила, можно ли ей увидеться с доктором Максвеллом. Мужчина посмотрел на нее круглыми глазками и осведомился с убийственным западноанглийским акцентом:

– Вы его родственница?

– Э-э... да, – с готовностью подхватила она, ведь к Максвеллу она относилась как к члену семьи. – Я его племянница. Пожалуйста, позвольте мне с ним увидеться. У него слабое сердце, и я за него очень беспокоюсь. – Притворяться ей не пришлось; вид у нее был очень встревоженный.

Ее собеседник подозвал сержанта, который провел ее в большую, заставленную столами комнату. Несмотря на царившую здесь суету воздух казался застоявшимся и затхлым. Гулкие голоса, крики, телефонные звонки и шелест бумаг дополняли атмосферу. Шафран последовала за сержантом мимо загроможденных столов в короткий коридор, унылый и полный каких-то людей. Сержант открыл дверь в маленькую комнату, и она растерянно заморгала, увидев своего наставника.

Доктор Максвелл сидел за маленьким выдавшим виды столиком, его седые волосы выглядели не такими растрепанными, как обычно, а лицо было мрачным и бледным. Когда они вошли, он поднял глаза и вскочил на ноги так быстро, как позволял его артрит.

– Дядя! – Она сделала шаг вперед и выразительно вытаращила глаза, предупреждая его.

– Моя дорогая, – прохрипел он, беспокойно переводя взгляд с нее на сержанта. – Что ты здесь делаешь?

– Мне нужно было тебя увидеть! Мама так беспокоится! Ты ведь ей так долго не звонил! – Он опустился на свой стул, а она села напротив, судорожно соображая, как сообщить ему все, что нужно. – Похоже, что с твоей маленькой... э... *птичкой* произошло несчастье.

Максвелл моргнул и постучал себя по уху, будто решив, что неправильно ее расслышал.

– С моей птичкой?

– Э-э, да, – медленно произнесла Шафран, наклоняясь над столом. – Помнишь, та птичка, которую ты привез из Мексики? С такими прекрасными *ярко-желтыми* перьями. Он любит везде *лазить*.

– Д-да, – нахмурившись, пробормотал Максвелл. Затем его глаза широко раскрылись, и он быстро кивнул. – Да, да, конечно! Моя птичка!

Шафран с облегчением кивнула.

– К сожалению, вашу птицу обвиняют во всевозможных неприятностях. Но видите ли я ничего не могу с этим поделать, потому что ваши исследования... э... ваши справочники по орнитологии исчезли.

Задумавшись, Максвелл долго смотрел ей в глаза.

– Да, ты права, – медленно произнес он. – Кто-то взял мои справочники, не так ли?

– Я боюсь, что все остальные ваши справочники у вашего соседа... э... мистера Грина, – нерешительно произнесла Шафран, стараясь оценить, насколько внимательно их слушает дежуривший у двери сержант. – Очевидно, распространился слух о том, какая эта уникальная птица.

Сержант чихнул, и от неожиданности они подпрыгнули на месте. Максвелл провел рукой по лбу и покачал головой.

– Они говорят, что моя птица опасна, Шафран, и нет никаких доказательств обратного. Я никогда не видел последствий... действий этой птицы воочию. Даже с помощью моих книг и отчетов никак не докажешь, что моя птица не несет ответственности.

Шафран распрямилась, уловив в его голосе нотки покорности.

– Я также пришла сообщить вам, что мама не думает, что сможет справиться с птицей, если она вернется. Я обещала разыскать ее самостоятельно. – Шафран не была уверена, что профессор поймет ее причудливую метафору, но она улыбнулась с решительным видом, давая понять, что убеждена в его невиновности и сделает все, чтобы его освободить.

Сержант вышел в коридор. Очевидно, ему наскучил их птичий разговор. Шафран придвинулась ближе к Максвеллу и прошептала:

– Что, черт возьми, произошло, профессор? Почему вы здесь?

– Этот арест – недоразумение, – дрожащим голосом ответил профессор.

Кровь отхлынула от лица Шафран, перед глазами все поплыло.

– Вас и правда арестовали? – задыхаясь, спросила она.

Максвелл сжал ее пальцы:

– Скоро все прояснится. Эта ссора между доктором Генри и мной ничего не значит. Должно быть, он принял мои слова близко к сердцу. Пожалуйста, Шафран, держись от этого подальше. Ради всего святого, – он понизил голос, – твой отец не хотел бы, чтобы ты оказалась в центре полицейского расследования.

Пытаясь скрыть отчаяние, она прошептала:

– Профессор, где ваши заметки из статьи о лиане шолотль? Полиция не сумела найти их все. Если бы я на них взглянула, я бы сумела доказать...

Он прервал ее, заметив, что к ним возвращается сержант:

– Пожалуйста, пусть все идет как идет. Со мной все будет в порядке, все уладится. Но прошу тебя, – добавил он хриплым шепотом, когда сержант подошел так близко, что уже мог их слышать, – оставь эту несчастную птицу в покое!

Когда Шафран вернулась в университет, он был наводнен спешащими с занятий студентами. Она стремительно шагала сквозь толпу, сжимая в руке потрепанный блокнот, который забрала из дома доктора Максвелла. Миссис Максвелл ее визит в равной степени успокоил и огорчил. Однако когда Шафран объяснила, за чем пришла, рассеянная болтовня миссис Максвелл уступила место решимости. Они обыскали то, что осталось на бесконечных пыльных полках с книгами, папками и записными книжками в тесном кабинете доктора Максвелла. Полиция здесь все уже обшарила, но нашла далеко не все. Если Шафран что-то и знала о Максвелле, так это то, что у него всегда припрятаны какие-то бумаги, и она оказалась права. Уже через час Шафран держала в руках предмет, который надеялась найти.

Шафран миновала северное крыло. Должно быть, доктор Генри сообщил полиции, что в случившемся виноват Максвелл, и их ставшая общественным достоянием ссора, а также дурная репутация шолотля привели к его аресту. Количество улик против Максвелла все росло, и Шафран была обязана что-нибудь предпринять.

Она прокралась в оранжерею и взяла со стола нож. Надев перчатки, она осторожно срезала стебель и завернула его в носовой платок. На обратном пути, проходя мимо мистера Уинтерса, Шафран небрежно махнула ему рукой. Затем она направилась в комнату для персонала в подвале северного крыла. Несколько минут спустя она осторожно вошла в кабинет Максвелла со стаканом кипятка, написала на бумаге несколько слов и приступила к приготовлению отвара.

Когда она опускала ядовито-желтые листья в воду, ее руки дрожали, но Шафран не сомневалась, что все получится. От нее требовалось лишь одно: выпить отвар и добросовестно

записывать все, что с ней будет происходить. Она примерно представляла, чего ожидать. Будет слегка неприятно, заверяла она себя, поднося чашку к губам. Но учитывая, что доктор Максвелл мог застрять в тюрьме на долгие годы, попробовать стоило.

Шафран как раз осушила стакан горького кипятка, когда в матовое стекло двери постучали. Мгновение спустя в кабинет вошел Александр Эштон с охапкой книг.

Шафран успела подумать, зачем он сюда пришел, когда его взгляд скользнул по материалам на столе. Увидев в ее руке стакан, а в нем – желтые листья, он вытаращил глаза.

– Что вы делаете? – вырвалось у Александра.

Но было уже поздно. Он шагнул к ней.

– Шафран...

Больше она ничего не слышала. Резкий толчок, похожий на электрический разряд, ударил в верхнюю часть позвоночника. Ее спина выгнулась, стакан выскользнул из рук. Потом все накрыла тьма.

– Вы с ума сошли?

Александр ждал пять минут, чтобы задать Шафран этот вопрос. Несмотря на огромное облегчение от того, что ее глаза открылись, он кипел от ярости.

Когда она потеряла сознание, он перенес ее на диван, а теперь придерживал за плечи. Его глаза тревожно всматривались в ее бледное лицо. Она изо всех сил пыталась заговорить и наконец едва слышно произнесла «ведро». Он нахмурился в замешательстве, затем вскочил, метнулся к столу и схватил мусорное ведро. Он осторожно помог ей выпрямиться и поднял ведро. Ее долго рвало, после чего она откинулась на подушки. Ее глаза были закрыты, пряди темных волос липли ко лбу.

Александр растерялся и не знал, что делать.

Блокнот на столе служил слабым утешением. За минуту, которую он потратил на поиски ответов – до того, как Шафран очнулась, – он нашел лишь нацарапанный на потертых от времени страницах отчет. С трудом разбирая почерк, он дрожащей рукой пролистал потрепанную книжицу. То, что его руки дрожали, разозлило его еще больше, хотя текст в блокноте обнадеживал.

Все указывало на то, что симптомы быстро пройдут. Александр не был склонен доверять незнакомым отчетам, хотя Шафран им, по-видимому, доверяла. Доказательством тому служил лист бумаги, который он обнаружил рядом с ней, с ее именем, датой и дозировкой отвара из шолотля. Александр не понимал, с чего она взяла, что отвар, приготовленный из тех же листьев, которые, по мнению полиции, отравили миссис Генри (если верить слухам, ходившим по северному крылу), поможет ее профессору. Александру не верилось, что она способна на такую глупость.

Он стоял на коленях рядом с диваном, готовый снова поддержать ее, если понадобится.

Шафран тяжело дышала носом, плотно сжав губы, будто стараясь предотвратить новый приступ рвоты. Выглядела она ужасно. Александр в двадцатый раз подумал, что помешало ему отвезти ее в больницу сразу после того, как он ее обнаружил. Университетская клиника находилась прямо через дорогу.

Небрежные стопки бумаг и книг, которые он сдвинул с дивана, чтобы освободить для Шафран место, лишь усиливали его беспокойство. Его взгляд притягивал разбитый стакан в другом углу кабинета, и Эштону не терпелось убрать осколки. Все это помещение не давало ему покоя и побуждало поскорее навести тут порядок. Но необходимости убираться здесь прямо сейчас не было.

По прошествии нескольких долгих минут Шафран заговорила. Ее голос звучал тихо и хрипло:

– Который час?

Александр встряхнулся, отгоняя успокаивающую фантазию о том, как он выкинет в окно весь этот хлам.

– Я не буду участвовать в этом абсурдном эксперименте, Шафран.

Не открывая глаз, Шафран поморщилась.

– Просто запишите все на бумаге.

Ее спокойный приказ с легкостью перечеркнул всю работу, которую он проделал над собой, пытаясь сохранить хладнокровие. Он сгорал от беспокойства, а она вела себя так, будто ничего не случилось.

– Я не верю, что вы это серьезно, – резко произнес он. – Нельзя экспериментировать на себе. Это опасно.

– Не злитесь на меня, – пробормотала Шафран, постепенно выходя из ступора. Она открыла глаза и огляделась. – Вы записали время? Если нет, дайте мне бумагу, я сама.

– Я порву эту чертову бумагу.

– Александр...

Сдерживаясь из последних сил, Александр посмотрел на нее сверху вниз.

– Зачем? Чтобы спасти доктора Максвелла? Этим занимается полиция. Чтобы проявить себя? Понимаю: трудно быть женщиной в академических кругах, женщиной с амбициями. Но выбранный вами способ добиться признания глуп и опасен. Почему вы просто не отнесли этот чертов блокнот в полицию?

Шафран смирив его усталым и презрительным взглядом.

– Полиция подозревает, что Синтию Генри отравили лианой шолотль. Они забрали все научные документы доктора Максвелла, но я уверена, что реальные случаи отравления в них не описаны. В этом блокноте содержится отчет десятилетней давности, написанный человеком, которого они считают виновным в преступлении. Полиция никогда не стала бы проверять действие этого отвара на ком-либо. Я выпила его, потому что не хочу, чтобы доктора Максвелла посадили в тюрьму из-за недостатка доказательств в его пользу. – Эта речь ее утомила: Шафран с трудом дышала и побледнела еще сильнее. Однако дрожащим голосом она добавила: – Я не могу его потерять. Я этого не допущу.

Александр встал и провел руками по волосам. Она была права насчет того, что полиция не станет доверять содержимому блокнота, и насчет того, что полицейские не станут испытывать шолотль на ком-то еще, чтобы узнать, совпадут ли симптомы. Однако то, что Шафран сама решила выпить отвар шолотля, являлось и абсурдным, и опасным шагом.

– Нужно вызвать врача, – едва слышно пробормотал Александр.

Шафран подняла на него свои ярко-голубые глаза, резко выделявшиеся на фоне бледного лица.

– Пожалуйста, Александр. В блокноте точно указано, что будет происходить, и до сих пор все так и было. Резкая боль, кратковременная потеря сознания, рвота, озноб и онемение конечностей.

– *Что?..* – Александр уставился на нее. – Онемение?

Она кивнула.

– Значит, до этого вы еще не дочитали. Я не могу пошевелить ни руками, ни стопами. Полагаю, следующими откажут ноги.

Она произнесла это с шокирующей отстраненностью, словно проводила самый обычный эксперимент. Он посмотрел на нее сверху вниз и впервые заметил, что на ней нет чулок, а туфли стоят на полу рядом с разбитым стаканом.

– Черт, Шафран! Вы в опасности. Я вызываю врача. – Он направился к двери.

– И что вы ему скажете?

Александр остановился и встретился с ней взглядом.

– Вас не беспокоит, что вы не в состоянии двигаться?

– Конечно, беспокоит!

Стараясь сохранить хладнокровие, Александр ущипнул себя за переносицу и глубоко вздохнул, прежде чем ответить.

– Тогда почему вы против того, чтобы я вызвал врача?

– Не будете ли вы так любезны осмотреть мои ступни и лодыжки? – вежливо попросила Шафран. Ее безмятежное выражение лица выводило его из себя.

Стиснув зубы, Александр пододвинул стул к краю дивана, ближе к стройным ножкам Шафран, и сел.

– Что... что это за линии? – Он внимательно всматривался в голубые линии на ее бледных пальцах. Они были неяркими, как вены на светлой коже, и на мгновение Александр даже подумал, что это они и есть. Но расположены они были как-то непривычно, неправильно и метались зигзагами, как молнии.

– В журнале они описаны как отметины, напоминающие ветви дерева. Так вот как они выглядят? – Шафран села поудобнее. Ее юбка, того же оттенка синего, что и линии, задралась еще на дюйм. – О боже, они и правда похожи на ветки, не так ли?

Восхищение в ее голосе звучало отталкивающе. Александр встал, взял блокнот и пробежал глазами строки, пытаясь расшифровать неразборчивый почерк.

– Давайте я, – предложила Шафран. – Почерк доктор Максвелла кого угодно с ума сведет.

Он протянул ей потрепанный блокнот, но она не сделала ни малейшего движения, чтобы его взять, а лишь слабо улыбнулась и посмотрела туда, где лежала ее рука с посиневшими пальцами.

– Вам придется его подержать.

Александр еще ближе подвинул стул и сел, держа блокнот так, чтобы ей было видно. Ее лицо было так близко, что он различал каждую ее ресничку, как тогда, когда они стояли в коридоре во время званого ужина.

Шафран откашлялась, ее темные ресницы затрепетали.

– Здесь написано: «Синие линии отмечают прогресс паралича. Они пройдут, когда в конечности вернется движение». Вот видите, эти линии показывают, насколько серьезен паралич, и исчезнут, когда я снова смогу двигаться. Что и произойдет в ближайшее время.

Энтузиазм в ее голосе резко контрастировал с напряжением в глазах. Она была напугана, как и Александр. Одно слово «паралич» чего стоило!

Заметив, что ей не удалось его убедить, Шафран добавила с легкой иронией:

– Вряд ли кому-то из нас хочется объяснять врачу или полиции, почему я оказалась отравлена в то время, когда мы оба участвуем в расследовании отравления.

Как будто это могло изменить его решение ей помогать. Он открыл рот, чтобы возразить, но она добавила:

– И напоминаю: я вас не просила...

Его свирепый взгляд заставил ее замолчать.

– Назовите мне хоть одну вескую причину не вызвать врача прямо сейчас.

Шафран нахмурилась:

– Если линии дойдут до шеи, я разрешу вызвать врача.

– Если они доберутся до вашей шеи, – выпалил Александр, – это будет означать, что парализовано все тело. Я бы предпочел обратиться за помощью раньше.

Он попробовал расхаживать по кабинету, но это оказалось невозможно из-за царящего в нем беспорядка.

– А теперь взгляните на линии, – попросила Шафран. Они добрались до ее икр и запястий, окрасив светлую кожу в синий цвет. – Они распространяются, как и озноб и паралич. Все идет именно так, как описано в блокноте. Учитывая, как мало шолотля я употребила и... э... то, что большая его часть вышла из меня сразу после...

– Вы основываете свою гипотезу на крайне ненадежной информации.

– До сих пор эта информация оказывалась точной, – возразила Шафран, дернув плечами, и Александр догадался, что она пыталась раздраженно всплеснуть руками. – Сколько времени прошло – десять минут? Пятнадцать? Дайте мне еще полчаса. Если симптомы будут нарастать, я соглашусь вызвать врача.

Глава 7

Волнение, равного которому Александр не испытывал уже несколько месяцев, охватило его. Шафран слабела на глазах, и его тревога усилилась, когда она очнулась и ее вырвало в мусорное ведро. Спор с ней лишь усугубил его состояние. Под предлогом, что ему нужно обдумать ее предложение дождаться врача, он поддался искушению и принялся наводить в кабинете порядок. Осторожно смахнув осколки с пола на лист бумаги, он протер стол своим батистовым носовым платком, который пропитался желтыми каплями настоя шолотля. Складывая бумаги в стопки, он успокоился, слыша их шуршание. Расставляя книги по полкам, он наслаждался их скольжением и шумом, который они производили.

Шафран сидела молча, время от времени проверяя, как продвигаются синие линии. Ее взгляд часто опускался на голые ноги: похожие на виноградную лозу синие отметины поднимались по ним все выше.

Когда Александру понадобилось выйти в туалет, Шафран предложила запереть ее в кабинете ключами из ее сумочки.

– Так никто не увидит, как я валяюсь на диване с голыми ногами, – с натянутой улыбкой произнесла она.

В поисках ключа он прошел мимо пары аккуратно сложенных чулок, не зная, смеяться ему или нет.

За те полчаса, что они провели взаперти в кабинете доктора Максвелла, в коридорах стало тише, так что не услышать раскатистый хохот доктора Беркинга было невозможно. Он с шумом поднимался по лестнице, мимо которой только что прошел Александр, возвращавшийся в кабинет доктора Максвелла.

– ...Ни в коем случае, об этом не может быть и речи! – с насмешкой произнес доктор Беркинг, и его голос разнесся по выложенному плиткой коридору.

Доктор Беркинг так громко топал и пыхтел, поднимаясь по ступеням, что за этими звуками было не разобрать, что ответил другой мужской голос. Александр тихо выругался. Встреча с Беркингом была сейчас самым неуместным, что могло произойти. Он ускорил шаг.

– И я уже сказал, это не проблема! Все знают, что он раздобыл финансирование не самыми чистыми средствами, так что это неудивительно!

Толстяк профессор с грохотом поднялся по лестнице и остановился, чтобы достать носовой платок и промокнуть блестящее от пота лицо. Другой мужчина, худой и стройный, со светлыми волосами, то ли белокурыми, то ли седыми, хмуро посмотрел на Беркинга. Последний заметил стоящего в холле Александра, и у Эштона неприятно сжалось под ложечкой, когда профессор ухмыльнулся и направился к нему.

– Эштон, мой мальчик! Вы еще тут? Что вы здесь делаете? Пора бы уже разгуливать с какой-нибудь красивой пташкой! – От его раскатистого смеха Александра передернуло.

Александр подумал, не следует ли ему притвориться, что он возвращается в свой офис. Он стоял посреди холла и, без сомнения, выглядел подозрительно.

– Пташкой, сэр? – рассеянно повторил он.

– Да, Эштон, с пташкой! С женщиной! – Лицо Беркинга покраснело от напряжения.

– Мне нужно готовиться к экспедиции. А птицами и свежим воздухом я успею наслаждаться в Бразилии, – ответил Александр, выдавив из себя подобие улыбки. Он заставлял себя смотреть на Беркинга, а не на свет, проникающий из-под двери кабинета Максвелла, чтобы Беркингу не пришло в голову заглянуть к Шафран.

– Конечно, Эштон, конечно! Но я слышал, что в Бразилии много видов птиц с пышным, ярким оперением. – Беркинг подмигнул ему налитыми кровью глазами и пошевелил бровями, имея в виду явно не птиц.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.